
Джина Шэй
XXL LOVE
КЕКСИКИ
VS
ЛЮБОВЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Джина Шэй
XXL Love. Кексики vs Любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69022489
SelfPub; 2024

Аннотация

Что делать, если ты взял и влюбился с первого взгляда?

Нет, нет, не в четырнадцать. В тридцать три холостяцких годика. Прямо на встрече выпускников! Бинго – в бывшую одноклассницу. Которая вообще-то тебя терпеть не может, ведь ты травил её в школе за лишний вес! Травил, было дело… Да и сейчас Дюймовочкой она не стала.

Вот только какая разница, если один её голос на меня действует хлеще виагры? А шикарные формы вызывают бешеное слюноотделение? Ну и пусть первая попытка соблазнения заканчивается для меня мордой в торте, и она сбегает от меня под хохот бывших одноклассников.

Беги, Кексик, беги! Далеко убежать не успеешь!

Содержание

Глава в которой герой нарывается сам… 4
Глава в которой героиня сама все правильно поняла… 20
Глава в которой мы узнаем, кто оправлял алмаз 33
Глава в которой происходит Великое Помидорно-Поцелуйное Побоище 45
Глава в которой героиня верна своим принципам 61
Глава в которой герой лезет из кожи вон! 72
Глава в которой нашей героине очень нужен кирпич! 88
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Джина Шэй
XXL Love. Кексики vs Любовь

Глава в которой герой нарывается сам…

– Ну, и что я тебе говорил? – Сенька оборачивается ко мне и сверкает лыбой во все двадцать восемь виниров.

– Ты обещал бомбическую развлекуху и девочек, – тоном занудного секретаря извещаю я, – а притащил всего лишь на встречу выпускников? И насколько мучительной кары ты хочешь за этот двойной звиздеж?

– Бурцев, ты издеваешься? – друг смотрит на меня в священном ужасе. – Какой двойной звиздеж? В голове у тебя звиздеж или глаза уже старперские? В упор ничего не видят? Так ты к окулисту сходи, не затягивай. Так и скажи, доктор, красивые женские ноги в упор от куриных голяшек не отличаю.

– Я-то отличаю, – закатываю глаза, – а вот ты, мой друг, явно уронил планку в последнее время. Покажи-ка мне тут по-настоящему красивые женские ноги.

– О-о-о, – друг постанывает, крутя головой во все стороны, – сло-о-ожно! Такой выбор! О, глянь, у Машки Соколовской какие!

Мне не особенно хочется смотреть, что там понавыросло из занюханной мыши Соколовской, но… Аппетит приходит во время еды. Особенно когда оказывается, что занюханная мышь обзавелась нарощенной гривой волос, когтями как у тигрицы и накачала бразильский бампер.

– Ну? Ну? Я ж говорил? – триумфально возвещает Сенька, трактуя мое задумчивое внимание как свою победу. – Я бы вдул, ты бы вдул, так чего ты морду кривишь, Тим?

– Серьезно? Ты б вдул? А скальп тебе совсем не жалко? – иронично уточняю я. У меня-то такие "тигрицы" были. Когтями они обычно гордились больше, чем размером груди.

Ладно, черт с ними – с девками. Я на эротическом фронте уже давно ветеран, мне за один день прогул ставить не будут. Но бывшая мымра Соколовская, выросшая в инста-диву, разбудила во мне спортивный азарт. В конце концов, такой шанс поугорать упускать нельзя.

– Бож ты мой, это что, Тефтеля? – тереблю друга за локоть, перехожу на такой шепот, который слышат вокруг меня за три шага. – Усы так и не выросли?

– Лысеет уже, – сочувственно вздыхает Сенька тем же тоном. У него получается лучше – и мужик со звучной фамилией Тевтонцев багровеет упомянутым озерцом на затылке. Стоящая рядом с ним бывшая звезда класса Олька Михай-

лова, за пятнадцать лет из блондинистой лярвы вымахавшая в бизнес-леди с роскошным декольте за деловым жилетом, надетым на голое тело, прячет в алых губах улыбку. Судя по всему, Андрюха не смог её ни увлечь байками о своих успехах на карьерном поприще, ни впечатлить золотыми часами. В кредит, что ли, покупал?

– Оля, а ты все растешь и растешь! – тоном змея-искусителя мурлычет Сенька и стреляет глазами в вырез её жилета. – Твой пластический хирург еще не делает тебе скидку?

– Не-а. Только мужикам, которых я к нему привожу, – отбивается Михайлова, но улыбается Сеньке все-таки заигрывающе. Оно и понятно. У него и пиджачок подороже, и пузо из-под рубашки не проступает как у Тефтели.

– Мы тут разговаривали о делах, – пыхтит Андрюха, пытаясь отжать себе обратно внимание Михайловой, но тут уже за дело берусь я. Мне-то до Михайловой парралельно, но помочь другу – святое дело. Тем более, я-то знаю, как сильно он болел ею с шестого по одиннадцатый класс. Подозреваю, что только ради неё и приперся сегодня на эту гребаную встречу. Пусть хоть пятнадцать лет спустя гештальт закроет.

– Андрюха, спасай, – хлопаю Тефтелю по спине, отвлекая от парочки, облизывающейся друг на друга, – жрать хочу – подыхаю. Где тут фуршет, на который я не скидывался?

Тефтеля бросает последний взгляд на Юльку, но она уже заинтересованно щупает Сенькин бицепс. Этот гарнизон для Тефтели точно потерян. А пожрать Андрюха всегда любил.

И желудок его об этом вспоминает – издает печальное поскуливание.

– В актовом зале столы накрывали, – сдается Тевтонцев и сам отворачивается от места своего поражения.

Я не люблю оборачиваться назад. Потому и не хожу по всем этим идиотским встречам выпускников. Наверное, потому, что всякий раз вопреки всем успехам чувствую себя идиотом.

Ну кому мне тут что доказывать? Тефтеле? Который пару лет назад, когда я сидел без работы, "щедро" предлагал мне вакансию чернорабочего в его бюджетной конторе, когда у меня выходное пособие по сокращению было в три раза больше, чем их зарплата.

Или, может, зайти к математичке Тамаре Михалне и улыбнуться во всю пасть: "Ну что, Тамар Михайловна, как думаете, можно купить на зарплату дворника, которую вы мне пророчили, хоть даже вот этот вот галстук?"

Наверное, лет семь назад я бы так и сделал. Или как Сенька – нашел бы пятую точку поаппетитнее или спортивного интереса ради проверил бы, как умеет работать языком вчерашняя тихоня Соколовская. Зачем-то же нужны её губы-пельмешки?

Семь лет назад – это было бы прикольно. Семь лет назад уже я, а не Тефтеля, пижонил бы дорогими часами и понтовался бы стильным спорткаром, брошенным на стоянке.

Сейчас при мысли о таких способах самоутверждения к

горлу подкатывает волна отвращения, а вкрадчивый голос в голове саркастистично похмыкивает.

Часы, тачки, жена с упругим задом – тлен, пыль, пустое.

В какой-то момент, часов становится больше, чем дней в неделе. Дорогих галстуков – чем дней в месяце. После третьего спорткара до тебя доходит, что от гайморита так просто не откупишься. А супчиками жены не особо можно питаться, ну разве что если ты очень хочешь свести счеты с жизнью. И она не хочет ни учиться готовить, ни портить фигуру родами, ни даже собаку завести…

Вот и остается – радоваться, что другу все еще прикольно кадрить девчонку из прошлой жизни, идти и внимать пространным байкам Тефтели, который отчаянно пыхтит и дует щеки. Должность у него невелика, но он ей, судя по всему, ужасно гордится. Подумать только, а ведь отличник был… Такой перспективный – все учителя в голос твердили, а на мои рваные листы с домашками только морщились.

Жизнь – веселая все-таки фифа. Впрочем, не мне жаловаться. Я-то ею доволен настолько, что благодушно слушаю Тефтелин треп и даже старательно ему подыгрываю.

– Да ты что! Сам губер с тобой советуется? Круто. Номер мне свой оставь. Я иногда в Королеве вопросы решаю, сразу тебе наберу.

Тефтеля еще больше краснеет, еще больше важничает, и наконец соображает, что диалог – это обычно взаимная история. И надо бы что-то спросить для приличия, не только

выпендриваться.

– Тыщу лет тебя на встречах не было.

– Работы было много, – пожимаю плечами. Её всегда много. Я бы и сегодня не пришел, если бы не Сенька с его: "Да ты чо, мне ж никто больше не даст, если я тебя не приведу, я обещал". Ну и в конце концов, пятнадцать лет выпуска бывает не каждый день.

– А чо один пришел? Вроде, говорили, что ты женился. Или что, боишься, что жену уведут? – Тефтеля многозначительно расправляет плечи, кажется, всерьез веруя, что может противопоставить свое пивное брюшко моим кубикам.

Это забавно. Это настолько забавно, что я с трудом удерживаюсь от идеи поискать где-то номер Леры. Но это, пожалуй, слишком жестоко. Тефтеля – нелепый мужик, который не хочет считать себя неудачником, его не за что так карать.

– Развелся, – просто пожимаю плечами. Если бы дело только в этом

– Изменила? – тут же преисполняется сочувствия Андрюха, и я, ничего не отвечая, передергиваю плечами. …

– Господи, а чем это так пахнет? – вырывается из моего рта совершенно неожиданное. Я не собирался есть тут всерьез, бог его знает, какой процент жирности у того майонеза, который в школьной столовке пожертвовали на фуршет для бывших учеников, но рот мой совершенно против воли наполняется слюной, стоит только за спиной хлопнуть двери актового зала. – Это сейчас школоту так кормят? Как дума-

ешь, нас возьмут на второй круг? Готов на одиннадцать лет ада только ради этой столовки.

– Нет, – Андрюха пофыркивает и тут же блещет осведомленностью в делах местной школы: – это все Максимовская. Она для фуршета столовских поваров гоняла, по просьбе директрисы.

– Максимовская? Юлька Максимовская? Плюшка, которая?– я приподнимаю бровь удивленно, припоминая почти беззвучную девочку-ватрушку, с дальнего края галерки. Наверное, она бы была одной из тех, кого с трудом вспоминаешь, только открыв классную фотку. Впрочем, благодаря моему паскудному характеру – о существовании Максимовской знал весь наш класс и три парралельных.

– Ну, если я Плюшка, то ты, получается, все еще Буратино, Бурцев? – раздается мягкий грудной голос из-за моего плеча слева.

Черт побери, какое у неё шикарное контральто! Настолько шикарное, что надо как-то повернуться и не спалиться, что в штанах стало вдруг тесновато. Впрочем, это же Плюшка! Сейчас, один взгляд на неё – и мне полегчает…

Это все пирог…

Потрясающий пирог, источающий потрясающий мясной аромат и дышащий паром едва-едва вынутого из духовки произведения искусства.

Не мудрено, что при виде него у меня так активно начала выделяться слюна, что пришлось зубы посильнее сжать.

Ну, или мудрено, если учесть, что смотрел-то я на добрый десяток сантиметров выше верхушки пирога в руках выросшей Плюшки.

Хотя, сочувствую я тому мужику, что при виде вот этого вот шикарного декольте не превратился бы в слюнявую псину. С потенцией у него точно все совсем безнадежно!

– Это второй или третий? – спрашиваю инстинктивно сглатывая.

Глаза… Надо поднять глаза… Добраться до щек, прекрасных хомячьих щек. И мне тут же немедленно полегчает! Я повторяюсь, да? Простите, я не в форме!

– Четвертый, Бурцев, – прекрасные белоснежные холмы в вырезе алого в горошек сарафана ко всему прочему еще и выразительно покачиваются.

– Четвертый, – полузадушено выдыхаю, пытаясь победить прилив крови к малой своей голове, – знаешь ли ты, что я обожаю цифру «четыре»?

Томительная пауза и обреченный вздох.

– Не, не Буратино, – выписывает мне приговор этот невыносимый кошмар, – Буратино был хотя бы струганный, а ты, Бурцев, – просто дуб. Трухлявый такой дубочек…

– Эй, ну почему же это трухлявый? – возмущаюсь, но Максимовская, эта несносная женщина, берет и отворачивает от меня свое восхитительное декольте. И уносит его от меня неторопливо, в сторону фуршетного стола.

– Вот же трындец, – мне даже не получается дух перевe-

сти. Оказывается, ко всему прочему, зад у Юльки тоже роскошный. Аппетитный такой, мягкий, прям-таки умоляющий вцепиться в эту смачную шикарную булку зубами.

– Юля, Юля, а ты похудела, что ли? – совершенно охреневший Тефтеля вдруг решает форсировать этот "Днепр" и следует за Плюшкой чуть ли не вприпрыжку. – Просто светишься!

– Конечно, похудела, восемьдесят шесть кило идиотизма скинула, – тут же бодро откликается Максимовская, а я на секунду провисаю.

– Это ж сколько ты весила? – вырывается у меня неосторожное. – Сейчас-то вроде все еще тоже не Дюймовочка…

Юля разворачивается в мою сторону с улыбкой настоящей самки крокодила. Правда… Блин… Спасите! Мэй дэй, мэй дэй, мне не помогает даже это. Я никак не могу оторвать от неё глаз. И слюноотделение унять не могу. Хороша! Просто чертовски хороша, возмутительно, куда подать жалобу? Я очень хочу пожаловаться на эти смачные губищи, на длиннющие ресницы, и особенно – на гребаный вырез её платья. Нельзя приличным мужикам такое показывать. А уж неприличным вроде меня – особенно!

Боже, как же хочется утащить её в уголочек и хорошенько облизать вот эти вот зефирные купола четвертого размера…

Зацепиться за реальность удается с трудом. Помогают в этом страшные, округленные прям до неприличия Тефтелины глаза.

– Это ведь ты про мужа сейчас, да, Юлечка? – Андрюха старательно снижает голос до баритона.

– Муж, это когда расписывались, – откликается Максимовская, водружая блюдо с пирогом на стол, – а мы не расписывались. Просто я Федору Сергеевичу чемодан собрала и на площадку выставила. Пошел он…

– Он тебе изменил? – кажется, Андрюха у всех это спрашивает. Видимо, в его мире расстаться люди могут только из-за этого.

Неизвестно почему, но Юля вдруг бросает на меня холодный взгляд. Долгий такой, выдержанный.

– Если бы дело было только в этом, – повторяет она мысль, которую я так и не произнес вслух, когда мы с Тевтонцевым обсуждали мой развод.

И вот это, Юлечка, вне всяких рамок. Мысли она мои читает! Ты меня еще за причиндалы давай возьми сразу, чо уж мелочиться!

Увы мне, увы – Мадемуазель Четвертый Размер не торопится исполнять души моей прекрасные порывы. Её больше занимает торт, стоящий на столе, прекрасный такой, белоснежный, украшенный клубничкой.

– Говорила же, нарезать! – ворчит Юля и жестом истинного чародея достает откуда-то из-за тарелок нож. Да какой! Блестящий, огромный, еще чуть-чуть – и он дотянет до длинного воинского кинжала.

А, так вот почему мне обычно нравятся бабы с оружием в

руках! Понял! Мозг по умолчанию представляет их с ножом на кухне, и это внезапно до ужаса эротично.

Пока я продолжаю утопать в слюне, любуясь шикарными грудями Максимовской, только теперь в профиль и трепетно дрожащими в соблазнительной близости от кремовой розетки торта – Тефтеля внезапно решает выйти за берега.

– Так ты, получается, совершенно свободна, Юля? – он пытается снизить голос до интимной хрипоты, но получается исключительно писк ободранного петуха.

– Свободна, – с неожиданным кокетством откликается Максимовская и трепещет в сторону Тевтонцева своими ресничищами. Как она при этом умудряется нарезать торт ровными одинаковыми кусками – черт его разберет. Ведьма же! Это уже по декольте можно было понять. По приворотному, минимум трижды заговоренному на мужские стояки декольте!

– А что, Андрюша? Есть предложения? – у бывшей Плюшки, оказывается, в запасе есть восхитительное, бархатно-мурашечное мурчание.

Тефтеля же, преисполнившись чувства собственной значимости, пытается расправить не шибко широкие плечи.

– У меня есть два билета в музей имени Дарвина, на новую экспозицию.

Я уже готов расхохотаться, сочувственно хлопнуть Тефтелю по плечу, чтобы совсем не расплакался, после посыла. Ну, это ж надо – додуматься пригласить ставшую внезапно секс-

бомбой Плюшку в занюханный музей. Он бы еще на фестиваль бардовской песни, к старперам с корявыми стихами её позвал. Вот только… Плюшка наносит моим надеждам сокрушительный удар.

На её лице отражается такое бесконечное счастье, будто она в этот музей Дарвина не может сходить уже третий год, но все эти три года грезит им даже во снах.

– Новая экспозиция? Что может быть интереснее! Конечно, я составлю тебе компанию, Андрюша! Когда? Во сколько? Мой номер знаешь?

Она серьезно? Серьезно?!

Я осатанело наблюдаю, как Тевтонцев, лысеющий, с редкими усишками и пузом третьего размера, довольный и раскрасневшийся, пафосным движением вытаскивает смартфон из кармана. Господи… Чем он вообще понтуется? Китайским ширпотребом, даже не последней модели.

Конечно, если прикапываться – мой яблофон тоже китайцы собирали, но! Это все равно что дивный бампер Максимовской с мизинчиком сравнить по принципу “а что же круче”.

– А может быть, ты меня и домой отвезешь, Андрюша? – коварно добивает Максимовская, кажется, даже не подозревая, что где-то внутри меня сейчас теряют последнее терпение мои взбешенные сперматозоиды.

– О! Да! Конечно! – частит Тефтеля, но тут же спохватывается. – Только… Меня ж Михайлова заперла на парковке.

Погоди, я её найду, пусть отгонит тачку…

Господи, спасибо! Я уже думал, придется изображать сердечный приступ, чтобы этот гребаный Казанова хоть за медичкой бы убежал…

– Конечно, Андрюша, я как раз с тортом закончу и выйду, – ослепительно улыбается Плюшка. А не зря она брекеты носила, зубки ровные, белые.

А сколько мы доканывались до неё в школе по этому поводу. И ведь не по нему одному…

Тевтонцев исчезает, а Плюшка со змеиной холодной улыбкой вновь отворачивается к торту. Чтоб тебя… Что за попа! Как можно иметь такую шикарную, круглую пятую точку, которая то и дело призывно подрагивает, будто требуя, чтоб я подошел, сжал пальцы на мягкой сладкой ягодице…

– Бурцев, ты долбанулся?

Только после этого вопроса я соображаю, что мысли мои не стали отходить от дела. И я успел к Максимовской подрулить. И взяться за…

Черт, она на ощупь ничуть не хуже, чем я думал.

Блин, это что, возрастное?

Я помню Плюшку рыхлой, бесформенной девчушкой, с прыщами на лбу и брекетами в зубах. В школе она была обречена. Сейчас же я вижу талию, роскошные бедра, шикарную грудь. Юбку, которую с удовольствием бы задрал повыше…

Острый маленький каблучок вдруг приземляется мне на ногу, отрезвляя и напоминая, что почему-то я вдохновляю Плюшку гораздо меньше пузанчика Тефтели. Ну эй, у меня, между прочим, один бицепс с его два!

– Ты сдурела? – чудом сдержав болезненный рык, я прищипываю мягкую кожу захваченной территории. Срабатывает, каблук с моей ноги убирают. И пытаются пихнуть мягким локоточком в бочину, но этот маневр я успеваю предугадать и уклоняюсь.

– Ты что-то попутал, Бурцев, – ядовито цедит Максимовская, с четким таким звуком роняя нож между фуршетными блюдами, – или ты убираешь свои клешни, или…

– Ну, Юльчик! – благоразумно я сразу включаю свое супер-оружие – мурлычащий шепот мартовского кота, от которого пока что млели сто процентов моих жертв. – Я не могу тебя отпустить. Если я тебя отпущу – ты совершишь непоправимую глупость. Поедешь домой с Тефтелей. А зачем такой шикарной женщине так опускаться, а? Ну что там у него за тачка? Занюханный опель? Мазда?

– С интересным мужчиной и на Жигулях с удовольствием прокатишься, – Максимовская взбрыкивает, пытается ткнуть меня вторым локтем, но я его ловлю и с удовольствием сжимаю на нежной коже пальцы.

– Я тебя умоляю. Кто тут интересный? Тефтеля? Он же был душнилой уже в третьем классе, а сейчас только сильнее испортился. Ты помрешь с ним со скуки еще до того, как он

из школьных ворот выедет.

– А с тобой не помру, что ли? – скептично хмыкает почти что моя Булочка, но все-таки я улавливаю в её голосе нотки заинтересованности.

– Не помрешь! – клятвенно заверяю я, торопливо вспоминая, чем там она интересовалась еще в школе. На мою беду – я про неё никогда ничего не узнавал, было не интересно, но, кажется, знакомый гитарист говорил, что она не пропускает ни одного их рок-концерта, – знаешь ли ты, что сегодня вечером у Дабл Девил концерт в Подмосковье?

– Билеты раскуплены, – Максимовская отвечает так быстро, с такой искренней досадой, что я сразу просекаю – наживка закушена.

– Малышка, – позволяю себе склониться к ушку, вдыхая терпкий и какой-то дико своеобразный аромат её духов, – я уже снял Дьяволам три клипа подряд. Я могу на их концерты проходить, не здороваясь с охраной. И за кулисы тебя проведу. И они тебе распишутся хоть на… Где захочешь распишутся! Только слово скажи…

– Всего одно слово? – иронично откликается Плюшка, и мои внутренние гусары торжественно чпокают шампанским в честь новой победы.

– Больше мне не надо, – соглашаюсь, позволяя девушке развернуться ко мне лицом и мысленно планируя, в какой момент после концерта уволоку этот дивный Кексик в свою берлогу. И…

Совершенно неожиданно в мой нос врезается что-то мягкое, белое, сладкое…

Торт! Тот самый торт, который Максимовская нарезала во время нашего разговора, она взяла и залепила им мне в рожу со всего размаху.

Я отшатываюсь от удивления – да и когда и глаза, и нос, и рот, и даже уши слегка забиты воздушным йогуртовым кремом – особо и не проморгаешься даже.

– Пойди ты к черту, Бурцев, – четко и звучно где-то слева звучит голос Плюшки-Кексика. Кто-то смеется – много кто, на самом деле. Цокают маленькие каблучки по старому школьному паркету.

Основная масса торта все-таки сдается силе тяжести и сваливается на пол, позволяя мне разлепить ресницы на несколько миллиметров. Правда нафига? Дверь актового зала хлопает в ту же секунду, и алое пятно шикарного размера исчезает за ним.

– Ну ты, Тимурчик, и дебил, – смеется кто-то из парней рядом, а я под звон в ушах и хихиканье собравшихся в зале баб смазываю с щеки полосу крема и засовываю пальцы в рот.

Господи, как же вкусно…

Как давно я не жрал такой вкусной еды…

Глава в которой героиня сама все правильно поняла…

– Ну, чо там, чо там? – я деловито стряхиваю с мокрых рук капли воды.

Наташка, верный мой д'артаньян, с первого класса с ней не расставались, прикрывает дверь и ухмыляется.

– Мимо пронесся. В сторону мужского “будуара”. Красный весь, злющий.

– Ну-ну… – губы сами по себе ехидно кривятся. Запоздало спохватываюсь, что нужно поаккуратнее с помадой – ужасно жалко портить дорогущий макияж, который ко всему прочему – еще и деньрожденный подарок, – бедненький Тимурчик. Рожей в торт его, кажется, еще не макали.

– Тортик жалко, – Наташка строит траурную рожицу, – это ж был мой любимый у тебя. Сметанный. С ягодами.

– Да брось ты, – отмахиваюсь я насмешливо, – ты прекрасно знаешь, где разжиться порцией такого торта. И знаешь, что с тебя я денег не спрошу.

– Некоторые вещи совершенно необязательно спрашивать, – в голосе подруги начинает звенеть праведное негодование. Что ж, в ней я и не сомневалась. Она всегда платит, заказывает пирожные раз в неделю, хотя раздает их коллегам по работе из-за вечных своих диет. И конечно, всегда остав-

ляет в копилочке в моей прихожей бонусные чаевые “на будущее кафе”. Знает, на самом деле, что в моем положении каждая копейка поможет держаться на плаву.

Потому я и за организацию юбилейного фуршета в школе взялась. Потому что потом на выходе будут раздавать подарочные печеньки в бумажных пакетиках с моими визитками.

– Глянь, не видно Бурцева на горизонте? – прошу Наташку, поддергивая повыше вырез платья. Вроде уже не первый год воюю с собой за принятие себя, но все равно иногда так хочется спрятаться в мешок.

Наташка приоткрывает дверь и тут же её захлапывает.

– Обратно идет, – округляет страшно глаза, – сейчас, погоди, пусть хоть до зала дойдет.

– Да, пусть. Надеюсь, Тевтонцев на парковке от тоски по мне не скончается, – вздыхаю и скрещиваю руки на груди.

Глаза у Наташки становятся такие грустные-грустные, как у верного спаниэля.

– Юлечка, – шепчет она отчаянно, – а давай ты все-таки к нему не пойдешь. Ну ведь Бурцев не дурак. Все знают, что Тевтонцев – педант и зануда. Да и скажем честно, не плейбой с обложки. На кой он тебе, Юль?

– Ну… – я многозначительно повожу плечами. Истинную подоплеку моих действий мне на самом деле объяснять не хочется. Как объяснишь, что спустя пятнадцать лет после выпуска при виде Тимура Бурцева меня затрясло, как самую последнюю истеричку.

Сколько всего я могу вспомнить…

Сколько “незабываемых” сцен, превративших пять лет с шестого по одиннадцатый классы в лютейшую преисподнюю на максималках…

Да хоть даже случай с выпускного…

Наверное, я сама была мелкая дурища и от одного только слова “выпускной бал” у меня несколько месяцев в голове лопались радостные пузырики.

Бал, бал, бал…

Это было первое мероприятие, ради которого я купила свое первое платье – мятное, с воздушной юбкой из фатина и шикарным топом бандо. Ради него торчала три часа в салоне красоты, где меня красили, завивали, укладывали.

И все ради чего? Чтобы придти на выпускной и совершенно случайно услышать, как ухохатывается надо мной Буратино Бурцев и его компания дуболомов, отравляющих мне жизнь.

– Видели, как коровушка-то наша нарядилась? – Бурцев угорал громче всех. – Из её юбки парашют пошить можно.

– А из лифчика зимние шапочки, – подмахивал вечный его подпевала, Сенечка Петлицын.

– Боже, Сенчес, как ты мог натолкнуть меня на эту мысль, – Бурцев тогда возмутился, будто по-настоящему получил по роже, – я ж теперь осознал, что если Плюшка носит лифчик – значит, его можно снять. А раздетая Максимовская… Фу, буэ…

Три минуты вся компания идиотов изображала рвотные позывы – кто кого достовернее.

А через четыре минуты я в слезах и соплях вылетела из школы.

Дома мать застукала меня с разводами туши на лице и над изрезанным платьем с ножницами.

Я думала – мне конец за такое неуважение к родительским вещам, но мама только покачала головой и пошла за жидкостью для снятия стойкого макияжа. Ничего не спрашивая, помогла смыть останки "боевой раскраски". Только уже когда размазанная я уползала спать сказала:

– Любить себя – вот твоя первостепенная обязанность, Юляш. Если ты этого не сможешь – никто не сможет.

Конечно, в семнадцать лет я не стала слушать мать. Зато месяц назад, когда говорила с бывшим недоженихом о его изменах, когда услышала его "Вот если бы ты похудела…", когда поняла, что он смотрит на меня как на грязную свинью, вот тогда я внезапно поняла…

Если мужик не может любить меня вот такой, какая я есть, с моими девяноста килограммами – я устала изводить себя диетами и психовать после каждого зажорного срыва.

Плевать на мужиков, пусть они меня не любят. Зато я себя любить буду.

Потому и устроила этот спектакль под носом Бурцева. Потому что Тевтонцев подкатил ко мне удивительно вовремя. Как еще эффективнее доказать этому смазливому выпенд-

режнику, что и мной могут интересоваться мужчины.

Ну и пусть Тевтонцев звезд с неба не хватает, пусть лысеет, пусть в зоне живота у него такие характерные "пивные рельефы". Я тоже не принцесса, мне важно, чтоб человек хороший был.

– Да брось ты уже эту дурацкую идею, – отчаянно хныкает Наташка, – между прочим, к тебе даже Тимурчик пытался подкатить. А ты видела его задницу? Ею орехи колоть можно. А бицепсы? Да на них пиджак чуть не лопался.

– Он еще и высоченный, сволочь, – вздыхаю с обидой.

– Ну, вот! – Наташка всплескивает руками, возмущаясь моей строптивости. – Хорошая была бы месть, он столько тебе нервов сожрал, а теперь – чуть слюной не захлебнулся при виде тебя.

– Не смеши, – качаю головой, с невеселой тоской глядя на себя в зеркале, – Бурцев в школе мне проходу за лишний вес не давал. Тошнило его от меня – постоянно мне напоминал. Он просто придуривался. Слышала, как в прошлом году они кого-то из наших парней развели, тухлое яйцо ему в машине зачесав. Самохина, да?

– Да, – Наташка содрогается, потому что Самохин тогда её на свидание в этой провонявшей машине катал. И она отчаянно пыталась сделать вид, что все путем, и этот ароматизор в машине – такой уникальный и инересный…

– Ну вот, – я только критично поджимая губы, – Тимурчик и бодипозитив не сочетаются по жизни. А вот тупые розыг-

рыши – его любимое развлечение. Так что пусть он хлебальник от торта отмывает, а я – до дома с Андреем все-таки доеду. Может, он не так уж и плох. В конце концов, мнение Бурцева на его счет мне не особенно интересно.

Наташка набирает в рот воздух, явно желая все-таки меня отговорить. Я категорично цыкаю и стреляю глазами в сторону двери. Все-таки столько времени в туалете сидеть – уже неприлично.

– Путь свободен?

– Свободен, – после короткой паузы признает подруга, – но…

– Пожелай мне лучше удачи, Натусь, – складываю руки умоляюще, – ты же знаешь, что я все решила.

– Удачи! – исполнительно и искренне вздыхает Наташка. – Она тебе понадобится, Юлец.

– Удачи, удачи… Можно подумать, Тевтонцев прям такой лютый трындец, что мне чтобы его пережить нужно обязательно бочку удачи выпить, на дорожку,– бормочу недовольно, торопливым шагом вылетая из женского туалета.

Я не то чтобы хочу попадаться на глаза Тимурчику – мне уже не двенадцать, и я не двигаюсь между классами перебежками от туалета до библиотеки, но…

Больше торта под рукой у меня нет. А вот у Бурцева после выпуска мало того, что все старые дружки на короткой ноге по-прежнему, так еще и новые фанаты среди наших бывших одноклассников появились.

Да что там… Даже директриса всерьез вслух проговаривает, что вот этот вот на всю столицу известный Тимур Алексеевич Бурцев, рекламщик от бога и единственный прямоурукий молодой режиссер на отечественном телевидении – наш выпускник.

И ведь работает же эта её рекламная кампания!

Хотя почему не работать-то? Успех обычно украшает даже самую непривлекательную личность. Даже меня бы он украсил. А Бурцев – этот смазливый паршивец с бессовестно голубыми глазами и светлыми лохмами – ему и в пятом классе все девчонки в классе валентинки писали. И с соседних подтягивались. В первый год, когда он к нам перевелся, даже я на валентинку решилась.

Боже, сколько ж теста я тогда убила ради одной, самой идеальной печеньки.

Всю кухню мамину уляпала во время готовки.

Оберточную бумагу у сестры с коробки конфет сперла чтобы завернуть эту самую печеньку с нашими инициалами.

Идиотка…

Не знала, что именно это привлечет внимание Бурцева ко мне. И на долгие годы я буду его любимой девочкой для битья. Точнее – любимой Плюшкой-Хрюшкой.

Бр-р-р…

Мне приходится даже встряхнуть головой, чтобы переключиться с этих пасмурных мыслей на что-то более радужное.

У меня, между прочим, почти свидание.

Свидание! Первое за те полтора года, что я выставила Самохина за дверь.

И я даже сама не знаю, почему не поставила тот же тиндер или не нашла какой-нибудь занюханный сайт знакомств…

Маринка, младшая моя сестрица, уже вызудела мне все уши, что мне нужен мужик, хотя бы "для здоровья", а я…

А я-то знала, что "для здоровья" мужики полагаются только девочкам, которых легко на плечо закинуть. А когда ты в весовой категории "бегемотиха" – то для всего мира у тебя нет больших проблем, чем сколько пицц заказывать на ужин для того, чтобы заесть свой недотрах.

И вот надо же – мужик сам ко мне подошел! Пригласил куда-то! И не украдкой, а аж при всех. А это знаете ли!

– Юля-а-а!

Тевтонцев кличет меня не откуда-нибудь – с самого дальнего края школьной парковки.

Ну и чего они там бухтели про Опель? Вполне приличная Шкода. Ну, помыть не помешало бы, ну цвет – скучноватый "асфальт", да и в отличии от стоящего по центру парковки мажористого бирюзового альфача – не натерт воском до слепящего блеска, но…

Ничего не знаю, зато мне тут дверку и открыли, и придержали, и даже креслице подвинули.

– Ты задержалась! – педантично роняет Тевтонцев, пристегиваясь. – Больше так не делай.

Диньк-диньк…

Кажется, где-то зазвонил тревожный колокольчик. Смутно я даже припомнила, что кто-то из Наташкиных знакомых с Тевтонцевым мутил, и видимо её скепсис на чем-то да обосновывался, но…

Я сглатываю это замешательство.

Сама Наташка – относится к категории ведьм. Сколько она при мне умяла эклеров “после шести”, “после восьми” и “ближе к полуночи” – не пересчитать. И ни один не отложился на её осиной талии даже лишним миллиметром. Потому её и не изгоняют из кружка фитоняш, бегуний и зожниц, которые даже после родов умудрились отбрехаться от лишних килограммов.

Они могли капризничать. Они могли выбирать. А в моей весовой категории нос не морщат. Только виновато улыбаются и произносят вслух.

– Прости, Андрюша. Случайно вышло. Больше не повторится.

Не могу же я ему сказать, что скрывалась от шандарахнутого на всю голову Бурцева, который решил по приколу меня развести.

Хотя за попу прихватил он меня чувствительно, до сих пор кожа ноет.

Тевтонцев благодушно кивает, типа, на первый раз он меня прощает и наконец соблаговоляет выехать со школьного

двора. И даже щелкает кнопкой на магнитоле. Чтобы грянуло на меня бесконечно бессмертное и заунывное:

“Я проснулся среди ночи и понял, что

…все идет по плану”

– Боже, у тебя что, отец в машине флешку оставил? – вырывается у меня отчаянное.

Андрей же отвечает мне неожиданно возмущенным взглядом.

– Это моя любимая группа, между прочим, – сообщает тоном оскорбленного в лучших чувствах, – у них очень серьезная музыка. А ты что, не любишь Гражданскую Оборону?

– Почему не люблю? Люблю! – мысленно выдаю себе титул “королева переобувания в полете”. – Просто думала, что их сейчас уже никто и не слушает. Много же современных групп. И на западе тоже…

– В наше время уже не умеют писать музыку, – категорично отрезает Тевтонцев, сурово сведя рыжие брови на лбу, – а на западе – там вообще кошмар. Там же сплошь геи и трансвеститы на сцене.

– Угу, угу, – киваю, а сама начинаю тихонько тосковать.

Андрею совсем не надо, чтобы я что-то говорила, он треплется сам, не допуская даже мысли об ответных репликах.

А мне ведь предлагали сегодня проход на концерт Дабл Девил – моей любимой группы, которая выросла из того, как один мой тощий заморыш-одноклассник научился экспрессивно бряцать на гитаре. И как шикарно он это делал – сей-

час, пятнадцать лет спустя в него влюблена вся страна к ряду.

Можно же было держать ушки на макушки и послать Бурцева уже после концерта. И после того как мне таки Самойлов распишется на груди – зря, что ли, на такое откровенное декольте позволила себя уломать сегодня?

Ну, это, конечно, если Тимурчик меня бы до того концерта довез…

Мог ведь бросить где-нибудь посреди дороги, предложив пройтись пешочком километров тридцать, чтобы похудеть маленько.

С другой стороны, сейчас я уже почти на той стадии, когда сама хочу попроситься на улочку, пройтись пешком.

А Андрей как назло и ведет чудовищно спокойно, ровно, не прибавляя скорость где это возможно, и то и дело кого-то пропуская.

– Не люблю рисковать, знаешь ли, Юленька, – улыбается он, заметив, как я кошусь на спидометр, – тем более, что у меня сегодня супер-ценный груз!

Ладно, может, все не так и плохо.

Проблемы плохого музыкального вкуса – не проблемы. Тем более, что мой отец тоже слушает это старье, а я с ним на дачу езжу – так что иммунитет у меня есть даже к Газманову.

Главное – это ведь то, что я Тевтонцеву, кажется, действительно нравлюсь. Уже неплохо!

В какой-то момент у Андрея заканчиваются слова. Он уже расхвалил мне и своих любимых музыкантов, и свою су-

пер-осторожную манеру езды, и раскритиковал “лихачей”, что его обгоняют. Я аж прикусываю кончик языка, чтобы не спугнуть вожделенную тишину. Это я умею – нацеплять мечтательный вид и прикидываться ветошью. Потому что опять таки, отношения, в которых пара дофига общается – это все про тех, кто может выбирать и перебирать. У некоторых же людей выбор не особо велик. Для них и придумали мудрость “с интересными людьми и помолчать интересно”.

– Ну что, в музей, завтра? – уже остановившись у моего дома, интересуется Тевтонцев.

Я мысленно припоминаю количество срочных заказов.

Честно говоря, идея с музеем мне не очень-то и нравится, но меня же пригласили. Как от этого отказаться? Андрей вроде не так уж плох. По крайней мере, в машине не накурено и аккуратно.

– Давай с утра выедем. Часиков в одиннадцать. А я сдвину мои планы на вечер.

– Планы? Какие еще планы? – Андрей недовольно подергивает краем рыжеватых усиков. Будто и вправду всерьез к кому-то ревнует.

Это… Даже чуть-чуть приятно, что меня можно ревновать.

– Рабочие, Андрюш, исключительно рабочие, – фыркаю, отмахиваюсь, – у меня два торта на послезавтра заказаны. С ними знаешь сколько возни?

– А, – Тевтонцев скучнеет, и милостиво кивает, – работа

это святое, конечно. Заеду за тобой в одиннадцать. Не задерживайся.

– Не буду, – киваю я, мысленно отодвигая блюдечко терпения от этой капли дегтя. Ну подумаешь, занудствует. Я же и вправду заставила его ждать.

Поднимаясь на свой обожаемый третий этаж, заставляю себя улыбаться. День прошел не зря. Неделя прошла не зря! Я подготовила фуршет, получила неплохую рекламу за счет одноклассников, маленько отомстила Бурцеву за годы его травли и даже получила приглашение на свидание. Есть чем гордиться. Есть!

Я знала, для чего это делаю.

Знала, что уже в дверях моей квартиры меня будет кому просветить придирчивым взглядом, оценить степень удовлетворенности, упереть руки в бока и потребовать:

– Рассказывай!

Глава в которой мы узнаем, кто оправлял алмаз

Маринка стоит посреди прихожей моей квартиры, уперев руки в боки, будто она встречает не сестру, а загулявшего мужа с попойки.

– А можно мне кофе? – заикаюсь в слабой надежде спастись от жесточайшего допроса. Но Маринку так просто не собьешь с цели. Она встряхивает своими химичными кудряшками и еще более грозный взгляд устремляет на меня.

– Ты же не хочешь мне сказать, что никто не клюнул на наше шикарное декольте.

“Наше” – это на самом деле не метафора. Платье, в котором я была на встрече выпускников – дивное красное платье в белый горох, идеально облепившее мою грудь и в трех слоях подола спрятавшее пятую точку – это Маринкино произведение искусства. Это она шила его почти неделю, измотав меня примерками, а себя – придирками.

Правда это все было в основном потому, что кто-то ей сказал, что неприлично, когда младшая сестра выходит замуж быстрее старшей, но… Не мне судить. С той самой поры, как она это услышала – я только плюшек стала больше выгребать. То мне абонемент в салон красоты подарят, то юбку, сшитую тык в тык под меня, то туфли взамен моим вечным

кедам.

Фантазии у Маринки было хоть отбавляй, она в её количестве могла посоревноваться только с Рашидом, своим женихом, который в этой своей роли уже второй год ходил и ждал, пока капризный купидон подберет для меня хоть какого-нибудь мужика.

Я все же выжидаю паузу, разуваясь и сдавленно постанывая. Когда ты весом так близка к критической сотке – даже маленький каблучок в пять сантиметров высоты оказывается настоящим испытанием.

Увы, увы… Отстоять любимые лоферы мне не удалось. "Эти старушечьи тапки" Маринка поклялась сжечь, если я рискну выйти в них из дома. Я не рискнула, согласилась на лаковые лодочки, подаренные сестрой. И она была права – туфли действительно гораздо лучше сочетались с платьем. Но как же болят от них ноги, о-о-о…

– Юлька, ты меня бесишь! – сердито восклицает сестра, на седьмой минуте моих постанываний и кряхтений. – Давай колись. Неужели никого не зацепила?

– Это так возмутительно? – я иронично приподнимаю бровь. – Мариш, мы ведь обо мне говорим.

– Нет, дорогая, – Маринка скрещивает руки на груди, – мы говорим не о тебе, а о твоих прекрасных сиськах. Я в курсе, что ты привыкла их прятать, но ни один здоровый гетеросексуальный мужчина не должен при виде них испытывать хоть что-то кроме эрекции. Или они там у тебя эти?..

Нетрадиционные все, что ли?

– Боже упаси, – машу на неё, чтобы сестра не запускала всемогущую машину своей фантазии. С неё станется придумать, что у меня в классе все мальчики выросли в геев и только поэтому ни один из них в меня не влюбился. Она просто отказывается принимать как факт, что это не обязательно.

– Меня пригласили на свидание, – спасаю свою душу и честно сознаюсь в содеянном, – и даже до дома довезли. Так что успокойся!

– Да ты что, с ума сошла? – Маринка восторженно всплескивает руками. – В смысле "успокойся"? А что ты на свидание наденешь? Как накрасишься? Может, тебя опять в салон записать?

– Уймись женщина! – припоминаю, сколько стоит салонный макияж, и с трудом удерживаюсь от того, чтобы не перекрестить сестру трижды, как бесноватую. – Свидание – завтра, ни один ближайший салон тебе так срочно запись не даст.

– Как завтра? Почему завтра? Зачем завтра! – на миловидном Маринкином личике отражается вся скорбь мира. – Между прочим, перед такими мероприятиями обычно на шугаринг записываются сначала!

– Ой нет! – я малодушно содрогаюсь при одном только напоминании об этом "сладком" виде пытки. – Поздно все менять. Завтра – значит завтра. С утра!

– Это чтобы весь вечер был для развлечений? – Маринка

красноречиво округляет глаза и многозначно улыбается. – Молодец, Юлька, так и надо. Я давно тебе говорю – тебе давно пора избавиться от сексуального напряжения. Твои же кексы лучше подниматься будут.

– Ерунда это все! – возмущенно поджимаю губы. Бесполезно возмущаюсь.

У Маринки стекленеет на минуту взгляд, и она, резко разворачиваясь, бросается в мою спальню.

Ну, все, капец!

– Я придумала! Я все придумала! – раздается восторженный вопль оттуда, и я, безнадежно вздохнув, поднимаюсь с нагретой уже скамеечки в прихожей.

Она ведь не уймется, пока я не приду. И не померяю!

Как я и думала – сестра копается в шкафу. Вышвыривает одну мою шмотку за другой, на многие из них поглядывая неприязненно.

– Господи, как можно было это купить? – возмущенно интересуется она, встряхивая на весу черную юбку в пол. Широкую, трапецевидного покроя. – Юль, объясни мне, будь так добра. Это зачем? В поход вместо тента над столом натягивать?

– Вообще-то я в этой юбке на собеседование ходила!

Маринка смотрит на меня как на чокнутую, с таким страдальческим выражением лица, будто ей уже сообщили, что моя шизофрения абсолютно не излечима.

– И на кого собеседовалась? – мрачно уточняет она.

– На су-шефа в итальянском ресторане, – цежу сквозь зубы. Вспоминать это мероприятие на самом деле обидно. У меня не все так плохо с резюме, как пытался убедить в том работодатель.

Маринка трагично вздыхает. И по её мнению, все дело в дурацкой юбке, а не в том, что "вы на кухне будете – как слон в посудной лавке".

– Что ты придумала? – бурчу я недовольно, надеясь сменить неприятную тему. И слава богу – получается.

– Погоди. А, вот! – Маринка с радостным видом выдирает из недр моего шкафа очередную красную тряпку, которую сама же мне и притащила. Только эта тряпка не в горошек, а в клеточку.

– Эта юбка слишком короткая!

– Она на палец ниже колена! – отбривает сестра так быстро, что становится ясно – мои аргументы ей известны заранее, – и будь у меня время, я бы подшила её на ладонь повыше. Времени нет, увы. Зато это стильно и резко выделяет тебя на фоне других.

– Клетка как клетка, – я пожимаю плечами, – чему тут выделять.

– А, – Маринка торжествующе улыбается и снова зарывается в шкаф, – вот с этим!

– Ты с ума сошла! – я чуть не вою от выбранного ею "верха" – это вообще-то верх пижамы.

– Это топ-сорочка, – тоном несущего свет образования в

массы отрезает сестра, – и не спорь со швеей, кондитер, я к твоим кондитерским приблудам не лезу и не говорю тебе, почему мастику на торт не мажут.

– Я сама тебе скажу, если что, – бормочу недовольно, держа "топ-сорочку" на вытянутых пальцах.

Черт возьми, как это надевать? Мне? Ладно, ладной Маринке хорошо, на нее мешок надень, никто не прикопается, а к полным людям спрос зашкаливающий. И не дай бог тебе продемонстрировать пару лишних килограмчиков в неурочный час. Заплюют же!

С другой стороны, я уже довольно долго не слушала советов младшей сестры, не носила подаренные ей вещи и… Личной жизни у меня не было.

А сегодня, в рамках исключения, я послушала её, надела красное платье, сделала макияж в салоне и…

И домой меня довезли.

Где-то там внутри меня деловито покашливает что-то странное, напоминает про Бурцева, но…

Я критично морщусь, отбрасывая эту мысль подальше.

Тимур Бурцев два раза в своей жизни был женат, на одной и той же костистой модели – это в классе была любимая сплетня.

Он до меня не опустится!

– Я это не надену!

– Ну почему? – сестра явно ожидала моего сопротивления, ожидала и была к нему готова. Сразу переходит на плак-

сиво-обиженный тон, как на тот, что дает ей больше перспектив.

– Я… Мне тридцать лет уже! В этом возрасте надо одеваться прилично! – использую свой главный аргумент. Он недавно уже сработал, когда Маринка очень хотела подрезать подол платья и отправить меня на встречу выпускников в дерзком мини.

– Прилично – это вот в это? – Маринка кидает кислотный взгляд на отброшенную в сторону от шкафа черную мою юбку. Взгляд такой недовольный, что я сразу же бросаюсь, чтобы спасти любимый мешочек для скрывания моей безразмерной попы, но Маринка оказывается быстрее.

И… Что удивительно, для её дюймовочной комплекции – сражается со мной за юбку на равных.

– Я сожгу этот выкидыш моды… – шипит эта пригретая на моей груди кобра.

– Я тебе сожгу!

Юбка оказывается удивительно прочной и не рвется пока мы используем её в качестве каната для перетягивания. В какой-то момент, мы с сестрицей приходим к патовой ситуации – устаем обе, но, естественно, свой конец упускать никто не собирается.

– Давай так! – Маринка фыркает, целенаправленно сдувая с лица выбившуюся из хвоста прядь волос, – так и быть, эту трэшатину я тебе оставлю. Но ты померяешь мой комплект. Сейчас померяешь!

– Сейчас-то зачем? – возмущаюсь.

– Чтобы ты хотя бы посмотрела еще раз, как должны выглядеть твои сиськи! – Маринка как обычно режет правду-матку в лоб. – Без меня завтра ты не станешь даже в руки это брать.

Стыдно признаться, но знала меня сестра как облупленную.

Это они с матерью вечно пытались одеть меня как девочку, а я…

А я-то знала, что это не поможет.

И если не прятать весь мой вес в какой-нибудь мешок, по типу этой юбки, то так просто было услышать “корова” где-нибудь за спиной, в метро.

Но это никогда не убеждало Маринку в моей правоте. И сейчас она явно не была намерена униматься.

– Ладно, – я сдаюсь, – только померяю. Не обещаю завтра надеть.

– Идет, – подозрительно просто соглашается сестра, и это не может не напрягать. Тем не менее я не нахожу очевидного подвоха и с тяжелым вздохом берусь за злосчастную клетчатую юбку. Хоть бы она мне обмалела, что ли…

Увы, увы. Не обмалела мне юбка, не обмалел и черный гладкий топ с тонкими кружевными лямочками.

– Бретельки лифчика же видно! – я пытаюсь возмутиться, но Маринка и в ус не дует.

– Так сними его, дурында! Никто не носит бельевые блуз-

ки с бронелифчиками.

– Но… Видно же… – я в панике кошусь на проступающие сквозь ткань соски. Маринка же мучинечески стонет и снова ныряет в шкаф. Вылезает оттуда держа на вытянутой руке джинсовую куртку.

– Ты вообще хоть смотришь, что я тебе дарю? – недовольно уточняет она, заметив, что у этой шмотки даже ярлык не срезан.

– Бывает, – улыбаюсь страдальчески.

С джинсовкой становится лучше. Правда, ровно до той поры, пока Маринка, возмущенная в лучших чувствах, не расстегивает все те пуговицы, которые я застегнула.

– Марина!

– Не смей, просто не смей! – рычит эта мегера и сует мне в руки упаковку с чулками. В сеточку!

– Чулки? Ты с ума сошла? Ты хоть в курсе, сколько я вешу?

– В курсе. Это тоже мой подарок, если ты забыла! А ты в курсе, как мужики обожают чулки на женщинах? – Маринка сверкает глазами.

– Я не собираюсь спать с Андреем на первом свидании!

– И не надо! Зато ты будешь знать, что на тебе чулки.

– И? – я содрогаюсь от “предвкушения”.

– И он обязательно купится на огонек в твоих глазах!

Я втягиваю воздух, набираясь сил для гневной отповеди, но… Натыкаюсь на боевой прищур сестры и выдыхаю.

Она не сдастся. Не отстанет. Не сейчас.

Ей жахнул в голову образ для меня, она горит и пылает увидеть свою фантазию в жизни, и черта с два она мне даст хоть как-то отступиться от её картинки.

Ладно. Я ж *в этом* не собираюсь из дома выходить…

Я ж легко могу надеть, поахать восторженно у зеркала, а завтра, в музей надеть… Ну хоть даже любимое черное платье-толстовку.

– Боже…

Пока я выпрямляюсь, оправляю, подтягиваю, одергиваю, у Маринки случается мгновение творческого экстаза. Она смотрит на меня и даже вытягивает из кармашка своего полосатого платьица бумажный платочек – глаза промокнуть.

– Хорошо? – подозрительно уточняю я, потому что кто её знает – может, она прослезилась от ужаса, что на мне эти её стилевые извращения, как на корове седло сели.

– Сама посмотри, – сестра машет в сторону зеркала. Я-то по многолетней привычке уже научилась в него не смотреть во время одевания. Какая ведь разница, что ни надень – корова останется коровой.

Поворачиваюсь к зеркалу с легким содроганием.

Сейчас придется делать вид, что мне нравится присоветованный сестрой прикид, восторгаться, клясться, что я обязательно его завтра надену, и…

Мысли останавливаются ровно посредине длинного монолога.

Я недоверчиво смотрю на себя в зеркало, кручусь из стороны в сторону, пытаюсь понять…

Как так вышло?

Эй, где мои бока? Где пузо третьего размера, которое сегодня пришлось маскировать корректирующим бельем? Где задница размером с айсберг для Титаника?

Все вроде тут, и габариты тела остались там же, где и раньше были, но все компрометирующие зоны спрятались в складках юбки, в полах джинсовки, в струящейся ткани шелкового топа. И даже мелкая сетка, возмутительная и непристойная, не сделала из моих ног колбасу-вязанку. А легла так, как и надо было лежать, только тугими резинками напоминая мне, что не все так просто с этой сеточкой.

И если сегодняшнее платье я надевала, потому что Маринка шила его для меня, специально для встречи выпускников, моей мини-презентации, и стыдно было пускать по ветру столько стараний любимой сестры, то это…

Черт…

Я бы и вправду хотела, чтобы мужчины видели меня такой. Дерзкой, сильной, в стиле рок-н-ролл…

Одно только “но” – вырез на груди. Чудовищно низкое декольте, которое открывало мою грудь на три сантиметра “ложбинки блудницы”…

Я и у платья-то эту ложбинку едва вынесла, но для музея это воистину чересчур откровенно и пошло. У тамошних чучел вся шерсть повылазит от возмущения.

С другой стороны, Тевтонцев ведь ничего не имел против сегодняшнего декольте. Может, и это ему зайдет?

Я смотрю на Маринку, вижу, как сияют её глаза. Она уже все сама поняла и, кажется, готова принимать мои восторги её безупречным вкусом. И я их почти сформулировала, почти озвучила, если бы не…

– Кхе-кхе-кхе… – раздается звучное прокашливание со стороны распахнутого настежь окна, – раз-два-три… Нормально, поехали!

К сожалению – я знаю этот голос – низкий баритон с приятной хрипотцой. С восьмого класса знаю и ненавижу всеми швабрами души.

Что чертов Бурцев забыл у меня под окнами?

Ответ я получаю вслед за неозвученным вопросом.

– Многоуважаемая Юлия Руслановна Максимовская, – тоном профессионального диктора вещает со двора в какой-то супермощный микрофон Бурцев, – я ваш тортик скушал, требую добавки!

Глава в которой происходит Великое Помидорно-Поцелуйное Побоище

– То-о-олько одна плюшка на столе-е-е…

– Замолчи немедленно!

Я задираю голову, чтобы воочию убедиться – вышла. Вышла моя прекрасная прелесть с четвертым размером груди. Высунулась с балкона по пояс, сверкает на весь мир своей роскошью. Жаль, не спустилась ко мне. Отсюда так плохо видно!

Я перехватываю матюгальник поудобнее, подкручиваю незаметно звук у стереоколонки в багажнике и начинаю песню сначала.

– Плюшка, ты ко мне спустись,

Мягкой поступью цариц…

– Хрясь! – эта реплика оказывается последним всхрипом рухнувшего рядом со мной горшка с какой-то геранью.

– Воу-воу, полегче, мадмуазель, – произношу я, сочувственно касаясь покойного цветка носком кроссовки, – не надо убивать домашние цветочки, жалко же.

– Хрясь! – вторая герань падает в полуметре от моей ноги, но уже с противоположной стороны.

– Все для тебя, Бурцев, – слышу звонкий и ехидный голос

Максимовской с балкона, – ничего-то мне для тебя не жалко.

– Ты прицел наведи получше, – советую я насмешливо, – и на тачку попасть проще, чем мне в голову.

– А я. Люблю. Сложные задачи! – рычит в ответ Максимовская. Вот только после этого кряхтенья третий горшок ко мне не летит. И даже более того – я отчетливо слышу рычание на пару октав повыше, чем контральто Плюшки.

– Только попробуй. Это мамино любимое алоэ! Я ей все расскажу!!!

Не люблю, когда весь движ происходит без меня. И вообще, хочу внимания и торта! А за сим, стоит начать сначала!

– Плюшка, ты ко мне спустись,

Мягкой поступью царищ…

Торта с кремом простота

Заставляет падать ниц…

Увы мне, увы! Плюшка не восторгается моим вторым заходом так же, как первым. И кажется, вообще уходит с балкона. А я… А что я? Где там мой максимум у колонок?

Пусть весь двор шатает, как меня от невыносимого желания добраться до Максимовской и…

– То-о-олько одна плюшка на столе-е-е!

Фантазия – моя извечная вражина, сколько раз она меня спасала, но сейчас – только подставляет. Рисует мне в акварельных красках круглый стол в моей гостиной, и на нем – царство зефирных удовольствий, голую Юльку с её трекляТым четвертым размером. Ургх. Сейчас опять слюной подав-

люсь!

Над моей головой распахивается балконная створка.

Я в слепой надежде, что это Плюшка прекратила ломаться и наконец снизошла до того, чтобы мне поаппплодировать.

– Бля!

Еле успеваю увернуться от рыжей пушистой бомбы, летящей вниз с оглушительным мявом. Кошак со вздыбленной шерстью приземляется на крышу моей тачки – как это и положено, на все четыре когтистых лапы.

А ведь Порш воском натирать – все равно что дракону задницу золотом покрывать.

– Вы там офонарели, что ли? – рявкаю уже без матюгальника.

– Неча горло драть, шелупонь наркоманская, – верещит со второго этажа какой-то дедан.

Ладно, старость не радость, маразм не оргазм. Эх! А я-то думал, Юлька мою луженую глотку наконец оценила.

– Может, поможешь, братан? – спрашиваю у кота. – Как мартовский потаскун мартовского потаскуна, выручи. Все бабы любят котиков. Ты поскулишь ей под дверью, она выглянет, а я её хвать!

– Ма-а-ать, – возмущается кошарина идее того, что работа достанется ему, а секс – мне, задирает хвост, демонстрируя лишенную кошатских достоинств задницу, и проскальзывает по крыше машины, умножая счет на полировку этой самой крыши на троечку.

– Эй, гад, да ты теперь мне должен, – не выдерживаю и лезу в зеленый куст сирени, чтобы найти потенциального соблазнителя Плюшки, – а ну сюда иди давай!

Соблазнитель орет дрянью, выкручивается как последняя змеина и полосует меня нестриженными когтями.

– С-с-сутулая ты псина, рыжий, – рычу остервенело, но вылезаю из кустов и тащу дикую тварь за собой.

Пятьдесят процентов плана реализовано, осталось понять, как пробраться в подъезд и подкинуть орущую бестию под дверь Максимовской. Может, она хоть на вой этот дикий выглянет?

Я бы выглянул! Такое ощущение, что пожарная сирена сработала.

– Хороший котик, котик хочет колбаски? – понимаю, что выгляжу как дебил, заискивая перед наглой кошачьей рожей, но… А вдруг сработает?

Не. Не срабатывает. Кот не хочет колбаски из презренных рук чужака. Кот продолжает орать как последняя мразь и с боем прощаться с жизнью, которая мне на самом-то деле на фиг не сдалась. Помогает мне только тот минимум знаний по биологии и пара просмотренных научно-популярных фильмов про повадки кошачьих. Я беру кота за загривок и встряхиваю. Он издает жалобный писк и повисает как кутенок беспомощный. Вот так-то лучше.

Я подхожу к подъездной двери и только сейчас осознаю слабое место в своем плане. А в подъезд-то я как попаду?

– Братан, у тебя случайно когти не из адамантия? – спрашиваю у кота.

По его скорбным глазам видно, что нет, но если когда-нибудь он найдет мои тапки в темном переулке – он расправится с ними и без супергероических когтей небывалой прочности.

Для пробы тыкаюсь по паре кнопок, наугад, надеясь на людскую авось, но…

Это Москва, детка, здесь проще банк ограбить, чем без спросу в чужой подъезд попасть. Мне не удается себя выдать ни за почтальона, ни за участкового, ни за соседа. Два раза меня даже посылают по батюшке, по матушке, и по всем прочим дальним родственникам.

С пятого раза натыкаюсь на дедка-котометателя.

– А, так ты еще и не нашинский, наркоман! – издевательски тянет дедан из домофона.

– Дед, ты где видел наркоманов на таких тачках? – пытаюсь достучаться до непораженного маразмом мозга.

– Так ты её угнал поди, ты ж наркоман, рожа девиантная, – охотно огрызается дедок.

Судя по тому, с какой охотой он трындит по домофону – мне попался старикан из скучающих, готовых на любой кипишь ради развлекухи.

– Дедушка, пусти меня в подъезд, – выкрутив дипломатический тон на максимум предлагаю я, – а я тебе кота твоего верну.

– А на кой мне этот гад сдался? – искренне удивляется дед. – Не мой это кот, это бабка моя в дом таскает всяких помоечных бомжей, а мне энтого счастья не надо. Еще семеро таких вон орет. Могу всю твою тачку забомбить, если опять орать будешь. А потом и лоток их вытряхну.

Вот же сволочь старая!

Я не успеваю придумать, к какому этапу переговоров дальше переходить – к угрозам или булькающим взяткам.

Дверь подъезда радостно пискает, спасая меня от второго акта унижения, а деда – от цирроза печени.

– А! Бурцев! Не ушел еще? – грозное шипенье Максимовской ласкает слух и второй раз за день вызывает прилив либидо. – Отлично! Я очень рада! Вот тебе!

И широкой алой струей летит мне в рожу победный кетчупный залп.

Эй, а я, между прочим, добавки тортика просил!

От второй струи кетчупа я уклоняюсь ловчее, чем Нео от летящих пуль. Как при этом остаюсь на ногах – тот еще вопрос. Видимо, из трепета перед грозной, наступающей на меня Плюшкой.

– Юлька! Исчадие ада! Лифчик где?

Я бы и рад не обратить на это внимание, но кто ж виноват, что пока мы не виделись, Максимовская успела сменить образ. И как сменить. Из кокетки в красном сарафанчике в секси-хулиганку, с торчащими из-под тонкой ткани топа острыми сосками.

– В аду оставила, – рычит Плюшка и воинственно перехватывает бутылку с кетчупом поудобнее, – ща, погоди, Тимурчик. Пять минут – и вы с ним увидитесь!

Потрясающая женщина. И конкурсы интересные. Когда еще меня погоняют вокруг любимой тачки, прицельно обстреливая кетчупом из огромной двухлитровой бутыли?

– Гад. Паршивец. Да как ты посмел ко мне заявиться, – кипятится Плюшка и все-таки цепляет мой локоть томатным залпом.

Не выдерживаю, цепляю пальцем помидорное пятно и отправляю в рот. И опять – вкусовой оргазм, будто мало мне, что с фуршета еле выполз. И еле отняли у меня там блюдо с потрясающим тем самым пирогом.

– Бог ты мой, ты и кетчуп сама делаешь?

– Делаю! Из крови особо одаренных придурков! – щерит зубки Максимовская.

– О! Где ты их отлавливаешь? – заинтригованно уточняю я, не поднимаясь с карачек. – Мне смерть как нужен новый особо одаренный брендрайтер. Может, подскажешь темную подворотню, где поискать?

– Я тебе подскажу кладбище со свободной могилкой! И путевочку оформлю. Сюда иди, сволочь!

– Бегу-бегу, – киваю, но не тороплюсь выполнять обещание, – ты только пузыречек свой закрой, сахарная. Оставь мне хоть что-то для пельмешек. Кстати, а пельмени ты ведь лепить умеешь? Обожаю домашние пельмени.

– Ща я тебе так твой пельпень залеплю, – кровожадно скалится Плюшка, но мне уже очевидно, что кетчуп у неё на исходе. Выстрелы стали гораздо реже, правда и руку в стрельбе Юлька однозначно поднабила. Рубашку мне однозначно придется отправить на помойку. Вероятнее всего – после того как я её оближу.

– Юль, а Юль, ну вот чего ты разошлась-то? – мурлычу я как можно обворожительней. – Я ведь не обижаюсь на тебя за торт. Ну не хочешь ты на концерт – в ресторан пошли. Или куда ты хочешь? Хочешь на вертолете над Москвой полетать? С парашютом вместе прыгнем? Или может, просто сходим в ночной клуб? Чего ты хочешь, женщина?

– Чтоб ты сгорел в аду, Бурцев! – рявкает Юля и с особым остервенением выкручивает бутылку, выжимая из неё особенно мощный, но – в кои-то веки последний кетчупный залп.

– Эй, я не хочу без тебя гореть! – я выбираюсь из-за капота машины. Нужно сказать, что красный кетчуп на бирюзовом Порше смотрится удивительно гармонично. Хоть аэрографию такую вот абстрактную сразу после мойки заказывай.

– Закончились у вас снаряды, миледи? – спрашиваю насмешливо, глядя, как Юлька, недовольно кривясь, трясет бутылку, пытаясь стрясти себе кетчупа со стенок еще на один выстрел.

Зря я это.

Потому что первое, что мне выписывает Юльчик – взгляд, горячий отнюдь не из-за пламенной страсти, а жаль! А второе – пустой пластиковой бутылкой от кетчупа, прямо в лобешник. Сообразила таки!

Ладно, я тоже не дурак. И даже больше того: я – режиссер-постановщик. В маленьких сценках на узкую публику я собаку съел.

– Да блин! – вскрикиваю, драматично хватаясь за лоб. – Ты что творишь-то, Максимовская?

– Ты сам приперся! – возмущается Юлька, но боевой запал в голосе уже звучит не так уверенно, потихоньку вытесняясь чувством вины.

– А ты всех мужиков так страстно встречаешь? Поэтому до сих пор не замужем? – буквально заставляю голос звучать сердито. В башке-то сейчас гребаные единороги нагадили розовым, настроение самое что ни на есть добродушное, но оно мне сейчас не на руку.

– Нет, не всех. Только тебя. – В голосе Плюшки звучит все больше виноватости. Она даже делает первый неуверенный шажок в мою сторону.

– Ну, спасибо, блин! – отворачиваюсь от неё, во многом и потому, что с близкого расстояния будет понятно, что ладонью на лбу я прикрываю главным образом скромное красное пятно.

Не такая у меня хрупкая черепная коробка, как я сейчас пытаюсь убедить Плюшку.

– А чего ты ко мне прилип, Бурцев? – раздраженно бурчит Максимовская, неохотно, по шажочку – но все-таки двигаясь в мою сторону. – Что у тебя, детство в штанах заиграло?

Заиграло.

Только не детство, совсем не детство!

И честно говоря, я сам в шоке от того, насколько шокирующей для меня оказалась встреча со взрослой Плюшкой Максимовской. Вообще-то такие внезапные бзики со мной не случались вообще никогда, но вот сегодня – внезапно как жахнуло.

– Что ж, так и передай врачам Скорой Помощи. Выписала мужику сотрясение мозга, потому что у него в штанах заиграло! – ворчу уже из последних сил – спиной чувствую, что Юля уже совсем близко, за моим плечом.

Огибает машину, подходит ко мне, враждебно сверкая глазищами исподлобья.

И боги, этот вырез у топа – он же еще слюноточивей, чем предыдущий!

Держусь из последних сил, потому что она должна сделать ко мне еще шажочек.

И она делает!

– Давай показывай свое сотрясение, – хмурится Юля и тянется к моему лбу.

– Смотри, конечно, – улыбаюсь я ослепительно, и стремительным броском захватываю Плюшку в кольцо своих рук.

А кто, кто, кто тут попался в ловушку?

– Ты-ы-ы!

Распознав обман, Плюшка багровеет и тянется своими дивными мягкими ладошками не ко лбу моему, а к горлу.

– Я, да! – мурлычу лукаво, бесстыже скользя пальцами по сдобным бочкам. Боже, какой же кайфовой стала тихушница Максимовская. Такой, что никакой мочи нет, чтобы удержаться и не переменить парой шагов нашу с ней дислокацию. Оп – и вот уже роскошная Юлькина пятая точка прижимается к моему капоту. Оп-оп, и вот она уже на этом капоте сидит, огромными темными глазами вытаращившись на меня. Оп-оп-оп, и полураскрытые мягкие губищи становятся моей добычей!

Чтоб тебя, Юлька!

Конечно, всему виной недотрах.

Развод и траур по восьми годам жизни, тупо потраченным на истеричную бабу, стоит лечить не двухмесячным воздержанием и рабочим марафоном, но… Так уж совпало – начался весенний чес, куча съемок на природе, рекламные ролики, четыре клипа. На работе я не заводил отношений, нахлебался этого на стартовом этапе, когда только сработаешься с ассистенткой, а потом потеряешь после первого же импульсивного перепиха после закрытого успешно проекта. А кроме работы я и не вылезал никуда. Поэтому Сенька и потащил меня на встречу выпускников.

Поэтому сейчас гормоны внутри меня реагируют на Плюшку с такой бешеной силой. Женщина! Теплая, мягкая

женщина! Сладкая, будто сама она состоит из какого-то идеального бисквитного теста.

А я… Такое ощущение, будто только сорвался с жесткой диеты.

Хотя… Почему это только?

Сорвался! Жру! Сахарные губищи, карамельный язычок. Жадно, пока не приперся никто и не отнял у меня лучшую в мире вкусняшку.

Плюшка…

Она пытается сопротивляться. Толкает меня все теми же мягонькими ладошками. Ловлю её запястья – оплетаю их пальцами, будто ветвями лозы.

Нетушки, Юльчик, не вырвешься! Ты мне еще за торт должна, пришла пора расплачиваться!

Она опять пытается – пытается от меня уклониться, пытается мне не отвечать, вот только… Её тело будто само, рефлексами откликается моему напору.

Я веду кончиком языкам по стискивающимся губам – и они слабеют, позволяют проникнуть сквозь них, снова взять их штурмом.

Сдобная сладкая прелесть!

И вся моя!

Ну… Ненадолго, правда! Ровно до той минуты когда уже второй кот, черно-белый и тощий с возмущенным “Ма-а-ау” не десантируется прямо на мою шею. Сброшенный и явно не готовый к полету кошак реагирует инстинктивно – вцепля-

ется в мою рубашку на спине, полосуя ткань и кожу под ней когтями настоящей россомахи.

Я бы и рад не взвыть и не закрутиться на месте, в попытках стряхнуть с себя чертову тварь, я бы и рад ни за что в своей жизни не отрываться от Плюшки, но…

Я же не железный! И боль-то просто адская! С меня, кажется, сдирают кожу по-настоящему!

– Так его, Кутузыч, рожу наркоманскую! Ишь чо удумал, наших девок посреди бела дня мацать! – дедовское улюлюканье откуда-то сверху определяет нерушимую истину – коты в московских дворах просто так с балконов не летают!

Мне удается нашарить хвост дикой твари, приклеившейся к моей спине и отодрать её от себя вместе с полосой рубашки и парой кусков кожи, кажется. Кутузыч улетает в ближайший куст, и я надеюсь – его там лично ждет кошачий сатана. Задираю голову наверх, любуясь на лысую, как яблоко, но морщинистую, как урюк, башку.

– Дед, ты в конец озверел? – рычу разъяренным медведем.

– Му-у-у-урка, – зычно тянет дед, не сводя с меня прицельного прищура, – ты где, паршивка, кись-кись-кись.

На призывы деда откликается такой синхронный кошачий хор, что я прыжком выпрыгиваю из зоны поражения его балкона.

Ладно. Леший с ним. Где?.. Куда!

Я успеваю схватить тяжелую дверь подъезда за долю секунды, когда Максимовская пытается её за собой захлоп-

нуть. Влетаю следом, ловлю за руку.

– Плюшка!

– Сам ты Плюшка! – неожиданно рявкает Юлька мне в лицо, резко разворачиваясь.

На этом её запал заканчивается, и она замирает, стискивая свои кулачки и грозно прожигая меня глазами.

– Так бесит это слово? – я приподнимаю брови. – Прости, я не думал…

– А ты типа умеешь? – саркастично цедит Максимовская, скрещивая руки на груди. – Не смеши меня, Бурцев, чурбан потому и зовется чурбаном, потому что бестолковый кусок пенька.

– Зато посидеть на мне очень даже можно, – улыбаюсь нахально, – где хочешь, для начала? На коленках? Или, может, на лице?

– Руки! – взвизгивает Юлька, и приходится сделать два шага назад, в противовес тому, что я сделал к ней.

– Плю… – осекаюсь, натурально увидев, как в глазах девушки загорается неистовство берсерка, – Юль, ну чего ты психуешь-то? Сама говорила, что свободна сейчас. И я тоже свободен. И…

– Ты дебил, да? – Максимовская стискивает зубы. – Нет, чего я спрашиваю, точно! Натуральный дебил. Ты бредишь вот этим? После всего, что было?

– А что… – я осекаюсь с вопросом, не потому, что меня впечатляет яростная Юлина отповедь. Нет. Просто до меня

доходит – не все простили мне подвиги долбанутой юности. Конкретно Юлия Руслановна Максимовская – совсем нет.

И вот это попадос! Такой лютый, что меня почти сразу же начинает потряхивать!

Не хочу я, чтобы эта шикарная вкусная женщина меня ненавидела.

Ненависть оргазмам не помощник.

Она даже не прощается – сбегает, воспользовавшись минуткой моего зависания, и в этот раз я не рвусь к закрывающимся дверям лифта.

Задумчиво выхожу из подъезда, возвращаюсь к машине, в черт его знает какой раз задираю голову, разыскивая взглядом Плюшкин балкон. Сначала правда на хитрую рожу деда натыкаюсь, и он грозно скалится, типа "Знай наших!"

Ну уж нет, не позволю я какому-то старперу себя запугать. Матюгальник валяется у машины, никто его даже не подумал спереть.

Подбираю, процокиваю, проверяя работоспособность.

Дед угрожающе высовывает из окна руку с дрянью орущей черной кошкой.

Надеюсь, хоть от одной у него рука отвалится!

– Хорошо, Юль, Плюшкой больше не буду тебя называть, – клятвенным тоном произношу, обращаясь к бесчувственным стеклам лоджии Максимовской, – тем более, что Кексик тебе подходит гораздо больше.

В этот раз приходится уворачиваться не только от кота. Но

и от “любимого маминого алоэ”, которого Юлька для меня не пожалела.

Когда я сажусь в машину – сам себе клянусь, что это не побег – это отступление. С нахрапу взять Максимовскую не получится, это дошло наконец до моей забитой гормонами башки. Надо проработать стратегию!

Глава в которой героиня верна своим принципам

– Ты свихнулась, Юль?

На самом деле… Кажется, да! Потому что когда на балконе закончились цветы для метания ими в пустую башку Бурцева, я всерьез хватаюсь за табурет, на котором стояло злополучное алоэ. И только Маринка, повисшая у меня на спине, помогла мне вспомнить, что адекватность – это несколько выше по шкале глубины. Не пробивать же мне дно ради Бурцева, да? Он и сам с этим прекрасно справится!

Встряхиваю головой, пытаюсь взять себя в руки и во избежание искушения – а на лоджии у меня еще целый книжный стеллаж, метательных снарядов – искусительная уйма – ухожу на кухню.

По дороге прохожу мимо зеркала, задеваю плачевное зрелище. Пока неслась от Бурцева – раскраснелась как свекла, не помогают это скрыть даже остатки салонного макияжа. Так же и укладка не выдержала долгого забега, превратив меня во внебрачную дочь Сеньориты Швабры и Сеньора Чертополоха.

Хотя…

Будем честны и откровенны, какая разница? Можно подумать, с укладкой и обычным цветом лица я была красоточ-

ка, и резко перестала весить свои восхитительные девяносто три килограмма.

Нет уж. Хватит с меня сегодня самообманов. И тряпок этих, добавляющих в мою жизнь иллюзию моей несуществующей привлекательности тоже хватит.

– На плечики хоть повесь, – тоном великомученицы произносит Маринка, наблюдая, как я с остервенением сдираю с себя дурацкий шелковый топ, юбку, чулки…

Я делаю вид, что не заметила её замечания, молча влезаю в майку с рокером-котом и джинсы-шаровары на шнурочке, но…

Все-таки трачу лишнюю минуту, чтобы повесить "наряд для свидания". Музей-то завтра вроде как должен состояться!

Правда перед этим мне надо хоть маленечко выпустить пар.

– Я, кажется, поняла, почему ты все еще не замужем! – траурно произносит Маринка, проходя за мной на кухню. – Если ты каждого мужчину, пригласившего тебя на свидание, закидываешь цветочными горшками…

– С цветами, прошу заметить! – уточняю, сама не знаю зачем, уже снимая с крючка на двери любимый фартук. Руки мелко сводит от подкатывающей ко мне со спины истерики. А что лечит психоз лучше всего на свете?

Правильно, три противня горячих бисквитных печенек, сделанных твоими руками!

– Ну, Юля-а-а! – Маринка стонет и хватается за голову. – Такой мужик! На такой шикарной тачке! Романс тебе под окнами пел! А ты в него цветком?

– Жаль не попала! – бурчу раздраженно, доставая из холодильника яйца и перекладывая их поближе к плите, чтобы быстрей прогрелась.

Маринке легко говорить. У неё из детских травм только то, что в третьем классе приз за лучший танец снежинки не ей отдали. Она, счастливая обладательница огромных шоколадных глаз и талии, которую ладонями обхватить можно, в душе не представляет, как это бесит, когда какой-то зажравшийся мудозвон пытается повеселиться за твой счет. А я – я знаю!

Именно поэтому это я сейчас в неистовом ритме рублю огромным ножом холодное сливочное масло. И представляю, что делаю это с кокушками Бурцева, не меньше! Ух, как бы я ему сейчас вместо них котлету бы сообразила!

А Маринка – с печальным видом пытается донести до меня свет истины.

– Юльчик, нельзя так с мужиками. Они у нас сейчас обидчивые, ранимые. Ты в него сегодня цветком кинула, а он завтра на свидание не придет. И что, я зря старалась, да?

– Это не Бурцев меня пригласил! – сухо озвучиваю я, услышав в голосе сестры плаксивость, – а… другой мой одноклассник.

– О-о-о-о! – у Маринки, судя по взлетевшему тону, резко

поднялось настроение. – Боже, два мужика? Это я у тебя гений, или ты наконец-то научилась флиртовать, сестрица?

Я невесело вздыхаю, глядя на масло, которое я измучила до состояния пюре. Научилась флиртовать! По мнению моей сестры, все женские проблемы решаются покупкой новой туши, а для самых страшных необходимо новое платье.

– Я не знаю, зачем приперся Бурцев, – выдавливаю из себя неохотное, – там, в школе, он пытался ко мне подкатить.

– Ну и?! – сестра возмущенно тянет, упирая руки в боки. – И ты что сделала?

– Я? Рожей в торт его макнула, – откликаюсь и сама улыбаюсь этому воспоминанию. Ошарашенный Тимурчик, с мордой, залепленной сливочным кремом, с росыпью мелких мармеладок на лбу и шоколадными "усами" – незабываемое зрелище. Надеюсь, кто-то это сфоткал. И мне потом пришлет.

– Юля! – Маринка стонет и падает на кухонный стул, изображая сердечный приступ.

– А что Юля-то? – вскидываюсь я, резко работая венчиком. Этак мне и миксер не понадобится доставать – сама взобью белки, на силе внутреннего пригорания.

– Вот поэтому ты еще не замужем! Я все маме расскажу, как ты себя с мужчинами ведешь! Она тебя… Она тебя…

Я перебиваю сестру до того, как она успевает придумать достойную моих закидонов кару. Уж больно у меня пригорает, что в этой ситуации она не на моей стороне.

– Помнишь ли ты, как в школе у меня один утырок отнял портфель? И три круга заставил пробежать вокруг школы, вслед за его велосипедом?

– А это тут при чем? – сестра недоуменно приподнимает одну бровь, на время выходя из образа умирающей от разрыва аорты.

– При том, что это был Бурцев, – кисло цежу я, – и это. И когда меня в столовой ватрушками закидали, тоже он. Он ненавидит "жирных" – так он всегда говорил. После школы он женился на настоящей модели. Вот этих, знаешь, у которых руки как спички, да и ноги не лучше.

– Но… Но… Сейчас-то… – Маринка все еще пытается цепляться за розовую мечту, в которой я почему-то нахожусь в объятиях ненавистного мне мужчины.

– Он сейчас в запое, может. Или обдолбался чем-то! – категорично качаю головой. – Или поспорили они на меня. Не знаю. Ничего не знаю, кроме того, что вот этого мачо мне не надо ни даром, ни с доплатой. Лучше помереть незамужней, чем согласиться вот на это вот!

Уходит от меня Маринка, излучая такую радиоактивную печаль, что мне даже становится совестно.

– Не в поршах счастье, а в том, чтоб человек хороший был! – проговариваю я на прощанье, но удастаиваюсь такого мученического вздоха, что сразу ясно – наличие порша золотому человеку никак не вредит вообще-то.

Боже, надеюсь, Рашид поднимет ей сегодня настроение.

Хотя я и не исключаю, что вот эта печальная моська у Маринки только для меня и предназначается. Это ж я не справляюсь с её великим стратегическим планом "выдать сестру замуж за месяц". А для прочего мира у неё найдется пара улыбок.

– Напиши, как только доберешься до дома! – напутствую сестрицу на дорожку.

– Я же не пешком. На такси, – отмахивается Маринка, подкрашивая губы перед самым выходом.

– Тем более! Эти таксисты все через одного озабоченные придурки.

– К тебе приставали? – Маринка бросает на меня обеспокоенный взгляд.

Угу. Через одного.

"Девушка, у меня мама на одной диете тридцать кило скинула. Хотите – дам её телефончик?"

Но Маринка-то – нежная розочка, волосы гладкие, лежат прядочка к прядочке, джинсы на ладной заднице сидят потрясающе…

– Напиши, как только сядешь в такси! И номер мне его скинь.

– Окстись, сестрица, – Маринка не удерживается и заливается хохотом, – я ж только за дверь выйду – ты за миксер схватишься. И вспомнишь обо мне часа через два.

– Вспомню же! – упрямо свожу брови. – Будет кому объявить козла в розыск, пока он закапывает твое бездыханное

тело в сосновом лесочке.

– Фи! – Маринка недовольно морщит нос, – так быстро будет меня закапывать? Что за мужик нынче пошел, даже поманьячить пару недель не может.

И все-таки когда её отпускает эта её внутренняя сваха – я вспоминаю, почему люблю младшую сестру. Почему её вообще все вокруг любят. С ней всегда весело.

Хотя, объективно – она права.

Когда щелкает замок захлопнувшейся за моей сестрой двери – я уже снова стою на кухне, столовой ложкой отмеряю в миску сахар для печенья.

И гори синим пламенем диплом педагога-литератора, когда есть в распоряжении ручной миксер и белки, уже взбитые до состояния пивной пены.

Такая вот жизнь.

В школе я была хорошисткой – как говорили учителя, могла бы быть и отличницей, но не хватало упорства, характера. Ну, да, не хватало. Был бы характер – двинула бы Бурцеву в зубы на ранних этапах. И плевать, что девочка, плевать, что скандал, на все было бы плевать, но…. Я не плюнула. Предпочла глотать молча слезы, сносить его унижения и травлю раз за разом.

И тем не менее, я – была хорошисткой. Мне обещали хорошее будущее. Бурцев же – бездельник, двоечник, а в последних классах – еще и прогульшик. Абсолютно на шару сдавал экзамены. Никто так и не понял, как он умудрился

сдать их прилично. Но…

Это не я катаюсь на Порше. И своей странички в Википедии нет у меня. Да что там, даже на доске почетных выпускников меня не висит. Да и за что меня туда вешать? За то, что после пяти лет в школе выгорела, психанула, послала все к черту и пошла зарабатывать деньги на "дурацких тортиках"?

А что поделать! Бывают вот такие вот поздние озарения о смысле жизни!

И пусть на мое занятие все мои знакомые обычно морщат нос.

Всего лишь торты? Даже не в ресторане работаешь, а на себя? Ну-ну!

Всегда можно быть быстрее, выше, сильнее. Но вот мне – приятно совсем другое.

Белковое тесто, мягкими завитками стекающее в кондитерский мешок. Ровные полосы печенек на противне. Идеальной длины – савоярди я уже умею отмерять с закрытыми глазами.

Удивительное рядом – до ухода из школы я поправлялась на четыре килограмма в год. Три года после школы, посвященные тортикам, кремам, безешкам и прочим сладостям, не сказались на размере моей одежды вообще никак. Правда и не худелось. Но тут уж ничего не поделаешь!

Отправляя противень в духовку, я кошусь на часы.

И чего Маринка на меня наговаривает, какие это два часа пройдут, пока я спохвачусь? Сорок минут – и я свободна.

Сейчас проверю её и начну убираться на кухне…

По какой-то неведомой мне причине Маринка не признает мессенджеров, и всегда и везде пишет в ВК.

“Я дома. Все в порядке. Взяла тебе номерочек таксиста, он такой симпатичны-ы-ы-ый!”

И если первые две фразы могли быть подделаны злоумышленниками, которые похитили мою сестру и отписали всем её родственникам, что беспокоиться не стоит, то после информации про таксиста и телефончик отпадают все сомнения.

Только моя упоротая сестра собирает у мужиков номера телефонов не для себя, а для меня, красивой. Ей и не вдомек, почему она так часто это делает, а успехов на этом поприще у меня как не было, так и нет!

Отправляю Маринке красноречивый стикер с котом, который закатывает глаза и зомбячьи обнимашки. Стандартный набор – я слишком устала, чтобы отвечать внятно.

Не удерживаюсь – все-таки захожу посмотреть насыпавшиеся заявки в друзья. Все-таки имела эффект моя рекламная компания. В уведомлениях столько лайков моим тортикам нападало. Ух!

От заявок в друзья, к сообщениям, от сообщений – до фотографий, на которых меня отметила верная Наташка. Немало людей фоткались с моими выпендрежными пельменями в виде розочек, или с мясным рулетом, сделанным по канонической книге ГОСТ-рецептов, которая есть у любого особо

упоротого кулинара.

“Шикарная Прага, Юлечка! У тебя волшебные ручки!”

“Давно я так не объедался! Вот это банкет! Как же наша Юлька на свадьбы готовит?”

Кто не любит листать хвалебные комментарии? Особенно, если хвалят его!

Нет, конечно, “боже, какой шикарный был банкет” – это не Порш под окном, но все-таки приятно до безумия! А еще можно наскриншотить хороших отзывов и завтра выложить у себя на страничке. Реклама лишней не бывает!

“А Максимовская что, поняла, что сама все не сожрет, и решила в кои-то веки с миром поделиться?”

Правду говорят, одной ложки дегтя бывает достаточно, чтобы изгадить бочку меда.

И необязательно ведь даже чтобы ложка была столовой. И чайной достаточно.

Первый спазм, что сводит мое нутро – отчаянный и горький. Закрыть бы страничку от посторонних глаз, не выходить ни с кем на связь, убрать из друзей всех знакомых, и…

“А у тебя, Емельяныч, язва, что ли, открылась? Завидуешь всем, кто шикарно сегодня откушал на банкете? Или Юлькина грудь уснуть ровно не дает? Бывает, конечно”.

Самое странное в этой истории – видеть, что комментарий в мою защиту капает у меня на глазах. И не от кого-нибудь – от Тимура Бурцева.

Бурцев. Стебет нашего одноклассника, защищая меня.

Это что-то новенькое!

Глава в которой герой лезет из кожи вон!

“Бурый, ты чо? Давно на своих бросаешься?”

Сообщение от Сеньки выплывает мне во всплывающих, и, честно говоря, я обрабатываю его не сразу. В рабочем режиме голова обычно забита настолько плотно, что туда не влезает пара лишних предложений, не то что какие-то там оторванные от задачи возмущения.

Впрочем, для дружбана-приятеля место там находится. Уж больно выбесил он меня в первые пятнадцать минут этого дивного часа. Даже любимый луковый супчик в любимом заведении у меня от приступа гнева чуть через уши обратно на белый свет не вернулся.

Это ж надо! Мой верный друг, мой первый партнер и просто гений в вопросах по целевой аудитории рекламных компаний – и так меня подставляет перед свежеотмеченным Эверестом.

“А ты давно впал в младенческий идиотизм, Емельянов?” – отбиваю, а сам заползаю в личный профиль Кексика. На рабочем аккаунте я уже был, слюной захлебнулся настолько, что пришлось даже парковаться не в парке, а в ресторане – уж больно тоскливо прилип желудок к позвоночнику. И ведь это только тортики-кексики-пироги-капкейки у Юль-

ки на рабочей странице выставлены. А чтение расширенного меню для "банкетов домашней кухни" лично для меня заменило короткий курс виагры.

Вы просто вдумайтесь, как оно звучит: "Кордон Блю с моцареллой"…

Кордон Блю!

С моцареллой!

Черт возьми, опять слюна потекла!

"Бурый, ну ты чо? Не хочешь эту истеричку на место поставить?"

Я неплохо знаю своего друга. Он не станет без повода наезжать на кого бы то ни было. Но! Судя по всему, повод он для себя придумал. Ну, или ему рассказали, как я полчаса отмывал морду от кремового Юлькиного "поцелуя".

Проблема в том, что мне не пять месяцев, мне нахрен не нужны заступнички, и уж точно не нужно, чтобы мои друзья еще больше портили отношение ко мне одного пышногрудого Кексика.

"Я тебя хочу поставить, Емельяныч. К лесу передом, ко мне задом! И найти в твоем организме место для швабры!"

Сенька молчит минуты три, обрабатывает, видимо, пытаясь понять, что это мне жахнуло на ночь глядя, а потом… А потом присылает скриншот отредактированного комментария.

"Кто-нибудь, скажите Максимовской, что нельзя готовить такие вкусные салаты. Ну или пусть хоть номерочек

сатаны даст, с которым у неё контракт заключен. У меня таки есть к нему предложение".

Фыркаю, сам заменяю свой коммент на краткой *"То-то, Емельяныч"* и снова пытаюсь сфокусироваться на дельных мыслях. На мою беду открылась фотка с Юлькой, в черном глухом платье, облипающим все её роскошные формы, и кровь резко отливает от мозга в сторону экватора.

Черт побери!

Волосы пышные, роскошные, длиннющие! Глаза – темные, огромные, выразительные! Губищи – так и просят поцелуя.

Какой же шикарный плацдарм! Найти бы еще её фотку в купальнике, но на личные фото Кексик ужасно жадничает. Зря, разумеется. Хотя я уже готов вот эту фотку перед сном открыть и натереть на члене качественную мозолищу.

Нечаянно дергается палец, нечаянно оставляется сердечко на записи о выложенной фотографии. Хотя…

Чегой-то, нечаянно?

Ща мы ей насыплем! Лайков полный воз! Жаль только, что фотографий так мало, но записей на странице хотя бы хватает…

"Изыди, Бурцев!!!"

Когда снова чпокает мессенджер, я уже хочу послать Сеньку нахрен – но к своему удивлению, смотрю на богатый на смайлики очередной посыл моей богини.

"Кексик, окстись! Ты можешь запретить мне спать в

твоей постели. Можешь запретить сидеть на коврике у твоей двери. Но не можешь запретить мне смотреть в твои прекрасные глаза на этой твоей аватарке".

"Могу! Лишу черный список девственности ради тебя!"

"Тогда я буду пускать слюни на твои прекрасные торты! Те, которые стоят на фоне твоей груди, до дыр засмотрю"

"Там ЧС тоже есть!"

"Что ж, придется, значит, приезжать к тебе каждое утро и караулить тебя у подъезда. Кажется, без твоих глаз я уже жить не могу".

Судя по тому, что ЧС меня не настигает, перспектива встречи утром рано с великим и ужасным мной Кексик все-таки не соблазняет. Жаль, жаль!

"Без глаз, да? А ты хоть в курсе, где они у меня находятся?"

Никак не хочет Юлечка оставить последнее слово за мной. И вот это уже мне на руку.

"Не волнуйся, Кексик, я уже твое личико внимательно изучил. Глаза – это те две синих блямбы, что повыше рта? Шикарный, кстати, рот! Очень поднимает… настроение!".

Сначала меня осыпают гневно матерящимися смайликами. Я же улыбаюсь, и снова переключаюсь на вкладку с Юлькиной страницей. Лайкаю очередную запись, с десятком фотографий цветущих первоцветов. Оставляю комментарий.

"Тебе идут подснежники, Кексик. Нежные цветочки нежной девочке".

“Бурцев!!! – дождь из смайликов-матершинников останавливается, – *что тебе надо, чтобы отвалить?”*

“Твой номер телефона, Кексик!” – мой перечень требований очень короток и готов заранее. – “Хочу пожелать тебе спокойной ночи”.

Она молчит. Долго-долго помигивает дразняще “абонент набирает сообщение” и томительное многоточие. Видно, там было много посылов. Видно, Кексик осознала их бесполезность, потому что совершенно неожиданно мне прилетает: “Записывай. +7916…”

Неожиданный успех сначала окрыляет, а потом – озадачивает. Чую подвох, но… Она ведь не сознается, если спросить её об этом в лоб.

Набираю номер, на всякий случай прочищая горло для самого обворожительного из имеющихся у меня в запасе тембра голоса.

– Здравствуйте. Вы позвонили в клиническую психиатрическую больницу номер один имени Алексеева, меня зовут Наталья, чем я могу вам помочь? – спрашивает меня усталый, но все же явно привыкший к общению с психами мягкий женский голос.

Я сбрасываю вызов, с четким ощущением, что слышу, как одна шикарная зараза там, на другом конце Москвы сейчас покатывается со смеху.

Ох, Кексик, Кексик! Ты, наверное, думаешь, что жестоко меня обломала!

А я обожаю сложные головоломки! Но еще больше – возвращать долги!

***

Самые лучшие наступления – те, которые спланированы экспромтом. Верный же спутник удачи – это когда ты просыпаешься и понимаешь: погода за окном играет на твоей стороне.

Это ж где бы это записать, что в наше пасмурное лето с самого утра душевно жарит солнышко. И ни облачка на небе, от одного края и до другого. Ши-кар-дос! Ладно, значит, сегодня выгоняем кабриолет из гаража. Тем более, что любимый порш все равно восстанавливает покраску после кошачьего обстрела.

Бля, кто бы мог подумать, что я, вчерашний пацан, кидавший корбид в лужу, потому что других игрушек в арсенале не было, сегодня всерьез буду выбирать, на какой тачке выезжать из дома. На понтовом джипе для пущей брутальности, с которым я на особо важные переговоры таскаюсь, или, может, мне синий мерс взять, чтобы башку особенно красиво проветрить.

Впрочем, мой братец до сих периодически говорит, что я зажрался, и что мне просто повезло.

Ну, да, повезло. Попал в струю, пахал как проклятый, брал столько проектов, сколько не мог потянуть, но тянул, даже если спать приходилось по два часа раз в трое суток.

С другой стороны, я знаю людей, которые пахали не мень-

ше моего. И они так капризно нос не морщат, выбирая тачку с утра. Они сдались, смирились, перестали трепыхаться. Вот пускай и смотрят молча, хотя, конечно, будь со мной рядышком пышногрудый Кексик с её-то роскошной гривой блестящих волос, смотрелось бы еще круче.

Конечно, из пункта А в пункт Б мне просто взять и доехать никто не дает. Сенька, разумеется, обнаруживает вопиющую недостачу директора рекламного агентства на рабочем месте.

– Где ты шляешься? – мрачно интересуется он, так старательно транслируя мне, что я мудак, что уже понятно, на самом деле зла он не держит. Просто выебывается, как обычно!

– По бабам, разумеется! – откликаюсь весело, а сам тянусь к телефону, из-за короткого писка в гарнитуре. О, мой заказ готов, можно забирать. Ну и отлично, а то вчера на ночь глядя устроили они мне там ломку: "Да мы не успеем, да все испортится, засохнет, надо было раньше заказ оформлять…" Терпеть не могу людей, которые вечно набивают себе цену такими вот реверансами. Нет бы сразу обозначить прайс или послать к черту.

– По бабам? В четверг? – Сенька цедит это тоном прокурора. – Ты что, забыл? К нам сегодня Кирсанов приезжает, а у меня с ним не очень как-то…

– Не очень как-то? – ухмыляюсь бессовестно. – Братан, ты бы хоть своей ленивой жопе более четкое оправдание придумал. Ты продать можешь любую хрень, даже во сне.

– А ты своей ленивой жопе какое оправдание придумал? – насмешливо уточняет Сенька, и по его тону уже ясно – звонит он не потому что у нас там трындец и без меня переговоры не переговариваются. Если бы все так было – я бы не позволил себе сорваться.

– А у моей ленивой жопы в оправданиях рекомендации диетолога, – трагично откликаюсь я, – для здорового функционирования организма и непоколебимости психики…

– Непокобелимости?.. – нахально вклинивается Емельянов, но я не даю себя перебить.

– Непоколебимости, Арсений Федотович, откройте словарь, проработайте свой словарный запас. Так вот, во имя всего этого и мира во всем мире мне необходимо питаться пять раз в день, и желательно домашней пищей.

– Ты к Юльке, что ли, опять поехал? – заинтересованно уточняет Сенька. – Вчерашнего провала было мало?

– Ты же знаешь, что я работаю до победного, Емельяныч.

Сенька задумчиво молчит, похмыкивает, но все-таки переспрашивает.

– А ты уверен, что оно тебе надо? Юлька не похожа на профурсетку. Такую если отошьешь после пары ночей – карма пару лет аукаться будет.

Забавный чел, все-таки. В карму верит. Впрочем, я тоже начинаю подозревать, что она все-таки существует. Иначе… Как объяснить, что вчера такой мощный клин со мной случился не с кем-нибудь, а с Юлькой Максимовской, девчон-

кой, которой я в школе прохода не давал. Отнюдь не в хорошем смысле слова!

– А кто тебе сказал, что Максимовская – это история о паре ночей? – философски отвечаю Сеньке.

– Ты! – кратко откликается он. – После развода, когда весь мой бар вылакал, и кулаками в грудь стучал, что больше не позволишь себя захомутать. Чо, не помнишь?

– Я помню, что вискарь у тебя дерьмовый, Емельяныч, – фыркаю невозмутимо.

Что там кто где говорил, какая сейчас к черту разница? В сердце стучит уже не пепел, а потенция, в голове выкипает тестостестерон, а руки – сами выворачивают руль по маршруту "Земля – Кексик" без оглядки на навигатор.

– Ладно, справимся без тебя как-нибудь, – ворчит Сенька, – но учти, на презентацию такое уже не проканает.

– Не учи батьку, Емельяныч, – я смеюсь и сбрасываю. И выворачиваю к нужному мне магазину.

Хорошо, что решил ехать без крыши сегодня, потому что коробка, которую мне подготовили, оказывается огромной. Настолько огромной, что даже в мой просторный салон джипа, в котором я даже Кексика с удобством разложу, если что, коробку мою и то пришлось бы утрамбовывать, и следовательно – помять её содержимое.

– Я надеюсь, все свежее? – деловито уточняю у недовольной и явно недоспавшей продавщицы. Она же зыркает на меня взглядом василиска (и лишается чаевых в ту же секунду).

– Все в лучшем виде.

– Смотрите у меня, – грожу мегере пальцем. До того у меня хорошее настроение, что даже желание устроить наглой продавщице разнос, как-то вянет. Да и некогда!

Я, к сожалению, не знаю, на какое время Кексик сговорилась с Тефтелей на этот его музейно-задротный поход. И куда они едут – я тоже не в курсе. Мог бы узнать, это было на самом деле просто, но… Я просто решил приехать просто до того времени, как откроется хоть какой-то государственный музей. И туда, где я их еще успею застать.

Вылезаю у подъезда, задираю голову – и зверски жалею, что нету у меня рентгеновского взгляда. Где там мой сладкий Кексик сейчас? Зубы ли чистит или колдует над завтраком? Начесывает волосы перед свиданием с Тефтелей? Ух, как хочется подняться на её этаж и капитулятивно заявить "никуда ты не пойдешь". Но мы хитрее – мы поднимаемся на этаж ниже.

– А, это ты, рожа наркоманская, – весело приветствует меня дедок, не побоявшись дверь открыть, – чего пришел? Кота хочешь купить? Могу всех троих завернуть, пока бабка дрыхнет.

– Дедуля, давай пока без котов! – предупреждая какую-либо агрессию, я выставляю перед собой пузатую бутылку с коньяком. – Дело у меня к тебе. Важное.

Дед наводит на бутылку свой ехидный прицел.

– А ты с чавой-то решил, что я взятку твою приму? – ере-

пенисто начинает он.

– Ой, да ни с чего не решил. Просто балкон мне нужен над вашим двором. Не сговоримся с тобой, может, на четвертом кто коньяк в дар примет.

– А на кой тебе балкон-то? – заинтересованно зыркает дед. Судя по поблескивающим глазам, коньяк он от себя уже решил не отпускать – и правильно, такого элитного алкоголя у него и по праздникам не бывало. Но любопытство – гложет его не меньше. Что ж, это тоже наживка!

– Договоримся – увидишь, – улыбаюсь я многообещающе, – соседке сверху твоей хочу сюрприз сделать.

– А хороший сюрприз-то? – дед все так же изучающе на меня таращится. – Девка-то хорошая. Пироги нам с бабкой таскает.

– Если плохой – у меня машина под твоими окнами стоит, – фыркаю, – вываливай туда кошачий лоток, как вчера обещал. Мы договорились?

– А от тебя, как я погляжу, хрен отвяжешься, – задумчиво тянет дед, а потом шагает в сторону, – ну давай. Заходи. Посмотрим, как нынче наркоманы воду мутят!

– Тебе, может, стопарик налить, болезный? – наблюдающий, как я закорячиваю в его квартиру, хоть и легкую, но неудобную из-за своих размеров коробку, дед преисполняется ко мне неожиданным сочувствием.

– Не-не-не! Трезвая голова – лучший помощник, – отнекиваюсь я категорично, осторожно переступая через кру-

тящихся под ногами любопытных кошек. Их тут реально дохрена, только мне навстречу вылетает шесть хвостатых встречальщиков, а в зале обнаруживается еще больше.

– Трезвая голова – да, – дед одобрительно кивает, – хорошо, что хоть кто-то из молодых это соображает.

– Из молодых? – смеюсь. – Ну, спасибо, дед, польстил. Как теперь признаваться, что уже видел в глаза кризис среднего возраста?

– Кризис, – дед насмешливо крякает в свою кудлатую рыжевато-седую бороду и качает головой, – вечно вы, молодежь, дури себе напридумываете, а потом с этой дурью по психиаторам носитесь.

– Ну, не обобщай, старик, – качаю головой, – я свои мозги своими силами вправляю. Без всяких доморощенных специалистов.

– Вот потому и башка у тебя дурная! – припечатывает дед, не обращая внимания, что на самом деле допускает логический косяк. Я… Я тоже не изобличаю. Еще чего! У меня на этого деда весь мой маневр завязан! Поэтому – ничего не делаем, просто пыхтим и тянем коробень на его балкон, стараясь не наступать на когтистые мины. Сложно, кстати. Кто-то дал кошкам странный талант, материализовываться прямо под ногами.

Дед не спешит уединиться с коньяком, вытаскивается следом, паркует зад на древнее как мамонт кресло рядом с пепельницей и с любопытством поглядывает на меня. Вот ведь,

хрен старый. Интересно, чего ради он вообще меня на порог пустил? Ради коньяка? Или все-таки ради зрелища, которое ему предстоит? Что-то мне подсказывает, что ради второго все-таки! Впрочем, это-то не жалко. Должен же кто-то поаплодировать или убиться фейспалмом от моего идиотизма.

Завершив приготовления – заняв удобную позицию, я обозреваю раскинувшийся передо мной двор. Идеально! На мое счастье, у деда не застекленная лоджия, а именно что балкон, и это уже играет мне на руку. Впрочем, я же не только от лени позвонил в первую попавшуюся подходящую мне квартиру. Нет. Все было спланировано. Еще вчера прикинул, что именно квартира второго этажа мне идеально подходит. И подъезд-то тут крайний, как ни крути – к парковке выходить мимо этого балкона.

– К Юльке, значится, шары подкатываешь? – пока я, прикинув временные потери, вскрываю коробку, дед решает меня допросить.

– А что, так удивительно? – фыркаю, обдирая с коробки боковины, чтобы не мешались. Мне нужно, чтобы содержимое в нужный момент лавиной хлынуло вниз.

– Чевой тут удивительного, Юлька – деваха видная, – дед произносит это тоном "где мои младые годы", – правда нонче все больше дурней на кости голые предпочитают бросаться. Это ж не до всех доходит, что баба мягкая должна быть, шоб пощупать было за что!

– У неё с этим проблем нет, – улыбаюсь, а у самого внутри

подрагивает. Одно только послевкусие того, что я вчера мял в своей ладони шикарную ягодицу Максимовской, раскатывается по телу волной мальчишеского волнения. Да где там Тефтеля ходит? Как может это недоразумение тянуть с явлением к Максимовской? Нельзя такую женщину ждать заставлять!

Я бы у её двери уже за час до назначенной встречи пороги оббивал, на кофе напрашивался. Может, это и не тактично, но наплевать. Не захотела бы – не пустила бы!

А вот Тевтонцев особого нетерпения ко встрече с Кексиком возмутительно не проявляет. Является только через сорок минут, и даже после того, как занимает своей унылой шкодой парковочное место, минут десять сидит в машине, пытается поэстетичнее лысину волосами прикрыть. Бесполезно, конечно. Тут уж, зализывай – не зализывай, что есть – того не скроешь.

Наконец-то, вылезает. Вытягивает букетик… гвоздичек с заднего сиденья. Я гляжу на него издалека, от самой балконной двери, чтоб не запалил раньше времени, но… Убиться фейспалмом хочется. Как можно громче.

Это ж надо додуматься! Гвоздики и на свидание. Беленькие. Свежие с могилок пособирал, что ли?

Какой я все-таки молодец, что замутил весь этот свой движ. Может, еще и смогу спасти Юлькино настроение от знакомства со дном.

С содроганием слушаю, как тренькает весело домофон.

Сам – уже наизготовке. Коробка на балконных перилах, я держу её с крепостью параноика – еще не хватило мне её уронить раньше времени. Слух обострился настолько, что я слышу даже теплый голос Кексика.

– Уже бегу, Андрюша.

Ага, бежит. К гвоздичкам, навстречу. Стой, женщина, не стоит этот жлоб твоей спешки.

Впрочем, это все мысли в ожидании – не более. Уж больно оно неприятное оказывается. Кажется, вечность целая проходит до того, как снова попискивает домофон, открываясь.

– Доброе утро, – слышу я жизнерадостный Юлькин голос, а после – вижу её саму, делающую шаг к стоящему у шкоды Тефтеле. Он широким жестом берет с крыши машины свой восхитительный букетик. Протягивает его Юле.

– Это тебе! – голос такой, будто дарит он не занюханные самые дешевые цветочки, да еще и весьма тощим веничком, а самые дорогие гортензии, не больше, не меньше.

Судя по тому, как замирает Кексик, прежде чем принять сей дар – такого "щедрого подношения" она все-таки не ожидала.

– С-спасибо! – отдавая ей должное, каким-то чудом она умудряется даже упрек удержать при себе. – Очень красивые цветы.

Господи, такой момент, а этот увалень – важно приосанивается, вместо того, чтобы сказать комплимент, раз уж ситуация такая подходящая.

Ладно, я-то не такой дурак. Я-то не собираюсь так щелкать клювом.

– Кекси-и-ик, – громко, так, чтобы парочка во дворе услышала, окликаю я. Юлька вздрагивает, оборачивается, задирает голову. Хорошо, что второй этаж – отсюда вижу, как её лицо заливает возмущенный румянец.

И кажется – слышу, как скрипят яростно её зубы.

– Выкинь бяку, – советую я, до того, как она успеет пережить первую волну ступора, – такая шикарная женщина как ты достойна гораздо большего.

– Мне не интересно твое мнение на этот счет, Бурцев, – Кексик рычит вроде негромко, но на весь двор раскатывается, – и вообще…

Вместо тысячи слов я просто беру и опрокидываю вниз с балкона свою коробку. И ярко-алым водопадом летят вниз нежные лепестки двенадцати дюжин роз. Всю ночь их щипали в самом крупном местном магазине. Они осыпаются прямо на голову Кексику, запутываются в её пышных блестящих волосах, прилипают к ткани черного трикотажного платья, падают к её ногам, образуя маленькое алое лепестковое озеро.

А этого ты от меня ожидала, Юльчик?

Глава в которой нашей героине очень нужен кирпич!

– Бу-у-у-урцев!!!!

– Ух, как громко ты можешь кричать, Кексик! Я же говорю, мы идеально подходим друг другу! Обожаю громких девочек!

Боже, дай мне сил!

А лучше – камушек потяжелее!

Ситуация – полный швах, у подъезда наливается помидорным цветом разгневанный Тевтонцев, я стою, как оплеванная, а с балкона предателя Нефедыча лыбится во все свои двадцать восемь лишних зубов скотина Бурцев.

– Лепестки в волосах, Кексик, – гад смотрит на меня и с однозначно фальшивым восхищением прицокивает языком, – они тебе так идут, готов каждый день тебя цветами осыпать ради служения красоте.

Кирпич!

Не просто камушек мне нужен, мне нужен кирпич! И желательно, чтобы эта сволочь до моего уровня земли опустилась. Вот тогда я на его башку с размаху ка-а-ак опущу свое орудие возмездия! Надеюсь, мозги наконец на место встанут!

– Оу, Юльчик, – Бурцев скалится в улыбке голодного мар-

товского кота, – у тебя нет слов? Неужели? Ты наконец-то готова обсудить ужин в моей компании?

– Я готова обсудить ужин из тебя! – рычу бешено и встряхиваю головой, пытаясь вытрясти из волос чертовы лепестки. Я, конечно, не великий парикмахер, но на полтора часа сегодня раньше встала, чтобы свою чертову гриву волос локонами на плойку накрутить. А Бурцев… Господи, да почему ж ты его придумал таким гадом? Что ж ему все портить-то охота!

Еще хорошо, что все-таки передумала, и надела не собранный Маринкой прикид, а любимое черное трикотажное платье-лапшу. Ну и пусть, облегает все мои лишние тридцать пять килограммов. Зато черное. Черный стройнит. Правда, даже магии черного цвета не достаточно, чтобы сделать из меня тростиночку, но все-таки! Представляю, какой трэш бы сейчас творился с нежным шелковым топом. И сколько лепестков попало бы в уязвимый для таких "снарядов" глубокий вырез. Ох, сколько бы похабных шуточек мог бы вывезти на эту тему гадский Тимур!

– Давай не будем так скоро утверждать меню! – паршивец же даже сейчас многозначительно играет бровями. – Лично я знаю заведение, в котором подают шикарные десерты. Хотя если ты после него захочешь меня облизать – я буду только "за".

– Я? Тебя? Облизать? – сама рычу и слышу, как возмущенно скачет на чайнике моего терпения взвинченная кры-

шечка. – Только придушить. Это с радостью!

Господи, да что же он ко мне так прилип, что никак не отлипнет? Они что там, на почку поспорили, что я поведусь на Бурцевский звиздеж, или что? Потому что меньшим не оправдывается вся вот эта актерская игра, вся показуха!

– Придуши-и-ить?! – медоточиво тянет Тимурчик, чтоб у него гланды слиплись. – Знаешь, Кексик, я не против. Только давай сначала порепетируем. Погоди минуточку, я спущусь, и ты это сделаешь!

– А…

Я не успеваю задохнуться новой волной праведного негодования – Бурцев, в лучших традициях великого нарцисса, ни на что не обращает внимания и тут же исчезает за балконной дверью. Остается на балконе только Иуда-Нефедыч, и судя по его довольной роже – он-то как раз доволен доставшимся на его долю развлечением.

Бурцев спускается! А я… А у меня из оружия только букетик гвоздик! И… Вчера он меня откровенно зажимал! Хочу ли я, чтобы он повторил это при Андрее? Нет, однозначно нет!

– П-п-поехали? – выдыхаю, резко оборачиваясь к подъезду.

Андрей, все это время стоящий неподвижно и неслышно – только красный от злости, будто отмирает. Кивает, резко шагает в сторону машины.

– Садись быстрее, – бросает мне через плечо, направляясь

к водительскому месту.

А у меня от нервной паники даже не сразу получается дверь открыть.

Быстрее, быстрее! Если Бурцев будет спускаться быстро – он может нас догнать. И не дать выехать. И тогда не избежать сцены!

И все-таки я успеваю. Успеваю нырнуть на заднее сиденье. Успеваю захлопнуть дверь машины. И Андрей, на мое счастье, не глушил двигатель, сразу выруливает со двора. Уже когда мы выезжаем за угол дома, я вижу, как распахивается тяжелая дверь подъезда и на крыльцо быстрым своим шагом выходит Бурцев.

Нет никаких сил удержаться – я торопливо опускаю стекло со своей стороны и, высунув руку, демонстрирую Тимурчику средний палец.

Господи, когда же этот хмырь от меня отвяжется?

– Не хочешь мне объяснить, что это было такое? – ледяным тоном интересуется тем временем Тевтонцев.

Ох. Как я бы хотела это знать!

– Молчать будешь?

Честно говоря – хотелось бы. Хотелось бы просто помолчать, просто успокоиться, просто пережить. Вырезать из памяти ту секунду, когда на меня водопадом сыпалось алое нежное, разлетающееся по ветру безумство. Никогда её не вспоминать, никогда не заставлять себя так ошеломленно смотреть в небеса и думать, отчего пролетающая мимо туча

прицельно на меня чихнула розами.

Почему?

Мне не стоит принимать эту выходку Бурцева всерьез. Я понимала это сразу. У него там марафон пикапа, он еще не все трюки на мне опробовал, мне бы просто выдохнуть и протрезветь, но кто ж мне даст это сделать.

– Я теряю терпение!

Ох, Андрюша, Андрюша, мог бы и не пояснять. Вижу я и белые, отчаянно стиснувшиеся на руле костяшки, и багровые раскаленные твои уши, на которые сейчас нельзя воду лить – зашипит и начнет испаряться.

– Чего ты от меня ждешь, Андрей? – проговариваю неохотно. – Чтобы я тебе объяснила, почему Бурцев ведет себя как идиот? Так за этим, пожалуйста, к его психиатру. Я не в курсе.

– Так не бывает! – не унимается Тевтонцев. – Как это ты не в курсе? Он же за тобой ухлестывает, а не за мной.

– Хочешь, я его тебе уступлю? – спрашиваю и сама понимаю, что обостряюсь язвой не в ту сторону. По идее, с Андреем-то как раз я должна – и хочу – быть милой, а не вот это вот все, но его недовольный, звенящий невысказанными обвинениями голос будит во мне защитные рефлексы.

– Думаешь, это смешно? – взвивается Тевтонцев. – Я вообще-то за тобой приехал. Мы договаривались. А ты… Такое себе позволяешь!

– А я-то тут при чем? – искренне изумляюсь. – Я не на-

значала Бурцеву встречи, он сам приехал.

– Сам приехал, сам узнал, в каком подъезде ты живешь, сам договорился с твоим соседом и засыпал тебя щипаными розами, – саркастично повторяет Андрей, – ты сама себя слышишь? Дураком меня решила выставить?

– Ну что ты, Андрюша, – выдавливаю из себя вымученную улыбку, – хочешь, я тебе мамой поклянусь что ничего об этом не знала? И не хотела. Это у Бурцева что-то со вчера заклинило, и он ко мне привязался. Ты же помнишь, он еще в школе меня задалбывал. Портфели прятал, с дружками травил…

Андрей драматично молчит.

Еще бы ему не помнить. До того, как Бурцев взялся за меня – доставалось от его компании как раз Андрею, который не очень-то дружил с физкультурой.

– Ладно, проехали, – сухо бурчит Тевтонцев, – но если это еще раз повторится…

Я прикусываю себе язык, удерживая на нем ерепенистое “То что?”.

В конце концов, Маринка права. Хватит уже мечтать о принцах, пора делать скидку на реальность и принимать мужчин такими, какие они есть. И хоть чуть-чуть поумерить гонор мне тоже не помешает…

– Так в какой музей мы едем? – спрашиваю, чтобы хоть как-то смягчить повисшую в салоне тишину.

– В Дарвиновский. На экспозицию “Грызущий мир”. Я же

вчера тебе говорил! – обвиняюще роняет Андрей. – Где ты вообще витаешь?

Где-где, в розовых мечтах о Тимуре Бурцеве, конечно!

– Я вчера переутомилась на банкете, – озвучиваю я вслух дипломатическое объяснение, – плохо запомнила.

– Можно и повнимательнее быть!

Не клеится у меня с Тевтонцевым.

Чем дальше я цепляюсь за какие-то сущие мелочи, детали, лишь бы продлить диалог побольше, чем больше слышу недовольства в его голосе, тем больше понимаю, что Наташка не зря меня предостерегала насчет Андрея. У него до крайности тяжелый характер.

"Ой, Юлечка, а у тебя что ни мысль – то вселенское благо".

Надо успокоиться. Свидание вообще-то даже не начиналось. Это все Бурцев вообще-то! А Андрей… Ну, сердится Андрей. Конечно! Приехал ко мне с цветами, а у меня тут… Такой спектакль.

Вспомнив про цветы, кошусь на несчастные гвоздики. Помятые, поникшие, погрустневшие. Будто это они на меня обиделись за измену с Бурцевым. Хотя я ж не виноватая, он сам приперся!

– Грызуны, значит? – бодро спрашиваю я, уже когда мы вылезаем у музея, незаметно поддергивая подол черного платья на пару сантиметров выше. – Обожаю грызунов. Особенно этих… Как его… Шиншилл!

– Шиншиллы! – Андрей недовольно хмыкает. – Они же бестолковые! А вот крысы…

Даже не знаю, что лучше – Андрей, который бесится и не хочет со мной разговаривать, или Андрей поймавший вдохновенную шлею и распинающийся на тему того, какие крысы, дикие, не декоративные, а именно дикие крысы – враг номер один для любого повара – гениальные и потрясающие создания…

Ладно. Все не в тишине. Можно слушать это как передачу "Диалоги о животных", делая вид, что интересно. Можно подумать, мне это в новинку. Свет мой бывший Федечка обожал рассказывать обо всем подряд, и его тоже надо было слушать с открытым ртом, иначе – обижался и по несколько дней игнорил.

Правда, честно скажем, у Николая Дроздова голос-то поприятнее. И рассказывает он не таким нудным лекторским тоном, транслируя мысль "как можно этого не знать".

Еще и скучно так – до зевоты. А зевать нельзя, Андрей же обидится!

Кто знал, что это не все испытания, что мне на сегодня жизнь приготовила. Не-ет, самый главный сюрприз поджидает меня у билетных касс, когда нам приходится встать в очередь. Оказывается, не одни мы хотим попасть в музей в льготные часы. Кроме нас тут толпа студентов и кучка старушек пенсионеров пришла посмотреть на сусликов.

И ведь как назло, крыльцо музея находится на самом

солнцепеке. И на нас козырька не хватает. А я еще ко всему прочему и черное платье зачем-то сегодня напялила. Десять минут ожидания – и я превращаюсь в подобие печальных гвоздичек – еще жива, но уже почти разложилась. А Андрей еще и начинает припираться на кассе из-за скидки в десять процентов, ему, как постоянному покупателю. А я сама уже готова заплатить и за себя, и за него, чтобы наконец нырнуть туда, в хорошо кондиционированный музейный зал. И только здравый смысл меня от этого порыва удерживает. Нельзя так обижать мужчину. Нельзя! Но боже, как же жарко…

– О, Кексик, вот вы где! А я уж думал мавзолеем ошибся! – возмутительно бодрый раздается над моим ухом голос Бурцева. Я разворачиваюсь, умоляя про себя боженьку, чтоб это был мираж.

Увы, для миража этот гаденыш слишком плотный. Стоит себе в паре шагов от меня, мороженое в руках покачивает. Два рожка. Еще и моего любимого, фисташкового.

Господи, сегодня весь мир, что ли, против меня?

– Андре-е-ей…

В поисках спасения я торопливо оборачиваюсь к стоящему у кассы Тевтонцеву.

Ну, должен же он что-то сделать, да? Тут, между прочим, на мою честь покушается снова тот самый тип, из-за которого мне мозг выносили.

Самое вопиющее в этой ситуации – Тевтонцев, который полчаса назад сквозь зубы цедил “если это еще раз повторит-

ся", не особенно торопится спасать мою честь. Он вообще ничего не торопится, он просто сусличьим столбиком замер у кассы, позабыв про всякие билеты. Сбледнул, болезный, потом контрастно покраснел, и после щедрого матюга стоящей за ним бабушки цапнул наконец билеты и закосолапил ко мне, не особенно излучая воинственность.

– Андрюха, как жизнь, – судя по всему, Бурцев за моим плечом оскалился в лучезарной улыбке, – а вы чего так быстро свалили, меня не подождали?

– Я… Мы… Опоздать не хотели!

Он блеет! Блеет! Вот так вот просто, как в гребаном шестом классе, все перед Бурцевым блеяли. Это… Это… Просто возмутительно.

– Кексик, подержи-ка, – вкрадчивым своим бесстыжим баритоном мурлычет мне на ухо Бурцев, и… Он гипнотизер, что ли? Как еще объяснить, что оба его рожка с мороженым вдруг оказываются у меня в руках?

И… Даже втюхать их ему обратно не получается! Он с видом радостного комивояжера цапает Тевтонцева за клешню обеими руками и трясет, трясет, трясет. А Андрей проявляет чудеса покраса, и от волшебного рукопожатия Бурцева синеет!

– Отпусти его! – возмущенно вскрикиваю я, когда догоняю, что Бурцев просто издевается – стискивает руку Андрея куда крепче, чем полагается для приветствия. И судя по всему – усиливает хватку.

– А что не так? – Тимур так искренне округляет глаза, что я даже на секунду сомневаюсь, что поняла верно. Но я-то этого гада знаю как никто! И наваждение слетает за секунду, после чего я стискиваю зубы покрепче и делаю маленький шажок вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.